

ФРАНЦИЯ 1968

МЕСЯЦ

РЕВОЛЮЦИИ

Уроки всеобщей забастовки

КЛЭР ДОЙЛ

М Е С Я Ц Р Е В О Л Ю Ц И И

«Рабочая демократия»

1993

Газеты «Милитант» и «Рабочая демократия» в содружестве с автором данной книги выражают глубокую признательность и огромную благодарность всем без чьей помощи эта книга не увидела бы свет в русском варианте.

Не все из них разделяют наши взгляды социалистического выбора, анализ и программу которого вы найдете в наших газетах. Но совместно затраченные силы и время, нам кажется, способствуют пониманию и уважению, поэтому сближают людей.

Самыми трудоемкими и сложными были, конечно, перевод, набор и сверка с оригиналом.

В этой связи, выражаем огромную благодарность Ольге Ведрицкой, за профессионально — литературный перевод. Она стремилась не только передать смысловое содержание, но и душевную окраску английского текста. Светлане Петуховой, за терпеливую работу при компьютерном наборе и неоднократных исправлениях, после окончательных сверок, дружеских советов и замечаний Николая Преображенского.

А так же многим другим мы говорим: «Спасибо!»

Месяц революции. Клэр Дойл.

© Fortress Books.

1^й выпуск. Май, 1988

ISBN № 1870958 02 0

Отпечатано: «МАЛАХИТ», акционерное общество «СВЕТОЧ»
Санкт-Петербург, Пионерская, 2/2

Издание на русском языке. Май, 1993. «Рабочая демократия»
197022 Санкт-Петербург а/я 105 телефон: (812) 524-18-40.
125167 Москва а/я 37 телефон: (095) 253-07-38.

Предисловие

Политика — такая же наука, как и всякая другая... она требует постоянного изучения, глубоких и долгих размышлений.

Жан-Поль Марат

В весенне-летние дни 1993 Франция отметит два юбилея. Первый имеет всемирно-историческое значение: 200-летие восхождения якобинцев к власти и складывания якобинской диктатуры. Второй — четверть века со времени бурных событий 68-го года, о которых рассказывается в книге Клэр Дойл. Возможно, для (экс-)советского читателя этот рассказ в недалеком будущем обретет специфическую ценность: в той напряженной и хаотичной обстановке, которая нарастает в стране, в ближайшие годы вполне можно ожидать и массовые народные выступления, в каких-то аспектах имеющие параллели с французским «красным маем». Будет возможность сравнивать.

Книга содержит добротное изложение событий и их интерпретацию автором. Хорошо передана атмосфера «праздника угнетенных». Клэр Дойл не только сама была во Франции в 1968 и позже, но и серьезно изучала события по первоисточникам. Чувствуется влияние на автора классической работы Маркса «Классовая борьба во Франции в 1848-50 годах».

Автор не скрывает своих симпатий и антипатий, занимает совершенно ясную политическую позицию, многие оценки могут вызвать споры. Читатель может разделять или не разделять изложенную в книге концепцию, но в любом случае она представляет интерес.

* * *

В истории Европы бывают годы, когда социально-политические потрясения, выступления масс почти одновременно вспыхивают в различных ее частях, на востоке и на западе.

1648-50, 1794, 1846-49, 1918-20... Таковы и 1968-69: волна (в различной степени) охватила Польшу и Францию, Чехословакию и Италию, Югославию и ФРГ. В Америке на подъеме было очень мощное антивоенное (против вьетнамской войны) движение, а также студенческое и движение за расовое равноправие.

1968 — горячий год для многих стран, но события, потрясшие весь мир, заставившие на несколько лет вперед сотни миллионов людей о них говорить и их обдумывать, ставшие оселком острейшей идеологической борьбы, давшие многим в мире образцы для подражания, знамена, вдохновение и кажущийся «образ будущего», — такие события произошли в том году лишь в двух странах,

Франции и Чехословакии. Правда, в общественном сознании нашей страны французский кризис был очень быстро оттерт на задний план гораздо более значимыми для жителей СССР «событиями в Чехословакии», а вскоре и начавшимися кровавыми столкновениями на советско-китайской границе. Но и в конце 60-х и в 70-е многие советские студенты (и бывшие студенты) изучали май 68-го и французское студенческое движение. Кстати, это и официально поощрялось; конечно, в определенных рамках и до определенных пределов. Наверное, теперь, много лет спустя, да еще после перестроечных и пост-перестроечных идеологических и деловых веяний большинство этих людей напрочь позабыли идейные увлечения своей молодости.

* * *

Мир конца 60-х значительно отличался от теперешнего. Ареал демократии был куда меньше. Во многих странах, где теперь худо-бедно соблюдаются демократической свободы, правила диктатуры. Еще существовала португальская колониальная империя. На Ближнем Востоке, где всего лишь год назад прошла война, на советско-китайской границе, да и на линии противостояния Варшавский договор — НАТО ситуация была весьма напряженной. Полным ходом шла вьетнамская война, в различных странах третьего мира развертывалась партизанская борьба. Борьба народов Азии, Африки, Латинской Америки, прежде всего вьетнамского, вызывала мощную волну солидарности, способствовала радикализации молодежи Запада.

Экономика Франции, да и Запада в целом переживала уникальный, беспрецедентный в истории капитализма XX века период «тридцати славных» послевоенных лет — три десятилетия устойчивого роста, низкой безработицы, стабильного повышения уровня жизни. Время, столь отличное от затяжных кризисных явлений последующих лет.

* * *

Во Франции к 1968 сформировался взрывоопасный коктейль. Во-первых уверенность в себе рабочего класса на фоне длительного экономического подъема, низкой безработицы и даже нехватки квалифицированной рабочей силы. Другой дестабилизирующий фактор — высокая доля молодежи, детей послевоенного бэби-бума, с ее острыми социальными проблемами, энергией и отсутствием многих родительских стереотипов. Если выше перечисленное имело место и в других странах, то чисто французской спецификой были давняя, еще с 30-х годов идущая резкая политическая поляризация (пожалуй, лишь в Италии было тогда нечто похожее) и — самое

главное — массовое недовольство режимом де Голля. Абсолютное большинство населения поддерживало генерала де Голля, когда нужно было вывести страну из острейшего кризиса, порожденного алжирской войной (1954-62). Но уже давно «мавр сделал свое дело». Не следует забывать и давние революционные традиции Франции, прежде всего то, что было в «живой памяти»: 1936 год, Сопротивление, да и первые послевоенные годы. Левые обладали внушительной силой и авторитетом (теперешняя ФКП — бледная тень той, что была четверть века назад).

* * *

«Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает, точно так же нельзя судить о... эпохе переворота по ее сознанию» (Маркс). Несомненно, субъективное восприятие происходящего участниками и наблюдателями событий — одно, а объективный смысл и логика событий — нечто другое. Чтобы понять их, необходимо изучать факты, не поддаваясь эмоциям, обаянию лозунгов, очарованию героизмом участников событий. Оценки неизбежно меняются в зависимости от временной дистанции и фактов, эту временную дистанцию заполняющих.

Французский май 1968-го — последний столь острый социально-политический кризис в высокоразвитой стране Запада. Но история диалектична: бескризисного развития не бывает, новые кризисы неизбежны, в том числе и в развитых капстранах. Каждое предшествующее явление (а особенно столь значимые и обнажающие суть общественного устройства, как революционный кризис) всегда несет в себе какие-то черточки явлений будущих. Правда, современникам очень трудно догадаться, в чем же эти «признаки будущего» состоят. Наверное, читателю книги Клэр Дойл стоит поразмышлять над этим вопросом.

Н. Преображенский

18.03.93

«Революция — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепенного прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелесть наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе.»

В.И. Ленин, 1905 г. *«Две тактики социал-демократии в демократической революции»*

НАЗРЕВАЮЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«Майские события» 1968 года во Франции являются крупнейшей в истории забастовкой трудящихся. Она разразилась подобно вулкану, лавина ее достигла всех концов мира, а последствия никогда не изгладятся окончательно. В разгар событий в забастовке участвовало 10 миллионов рабочих. Они оккупировали заводы, вывесили красные флаги, создали стачечные комитеты. Рабочие пели *«Интернационал»* и вели горячие споры о том, как стать полноправными хозяевами собственной судьбы. Все слои населения были подхвачены бурным стремительным потоком отречения от прошлого, потоком, увлекающим за собой к построению общества новой формации, в котором возможен расцвет человеческих способностей. Приближение этой бушующей стихии предсказали единицы, свежее дыхание ощутили миллионы, а власть предрежащие содрогнулись от ужаса перед возможными последствиями.

Мощное столкновение враждебных классов разразилось неожиданно, — как гром среди ясного неба. В то время мировой капитализм самозабвенно пожинал плоды неслыханного дотоле послевоенного экономического подъема, которому, казалось, не будет конца (что и пытались предрекать многие комментаторы). Нашлись даже такие «марксисты», которые во всеуслышание объявили о том, что капитализм открыл способ амортизировать (погасить) свой кризис!

Особенный, «хромированный» бум во Франции начался позднее, чем в других европейских странах с приходом к власти генерала Шарля де Голля в 1958 году. К 1968 году экономический рост был очень велик и достиг 5. процентов, а французские товары стали

наводнять мировой рынок. Словом, «все к лучшему — в этом лучшем из миров», как любил говорить вольтеровский Панглосс.

Однако ни одно из основных противоречий капиталистического общества не было погашено. Напротив, они углубились и обострились, что неизбежно влекло к новому кризису, к новым взрывам классовой борьбы. Только марксисты смогли понять процессы, происходящие во Франции в 1968 году. Их не подвела непоколебимая вера в грядущие перемены, в то, что социалистическая революция в Европе еще покажет себя во всю мощь.

А «коммунистическая» партия Франции продолжала гнуть линию, унаследованную от довоенного подхода её лидера Мориса Тореза, заключавшуюся в том, что, якобы, революция во Франции невозможна до тех пор, пока Россия не догонит Западную Европу по уровню жизни! Ложные перспективы еще одних так называемых марксистов были изложены в статье французского теоретика Андре Горца в январском номере английского «*Соушеллист Реджистер*» за 1968 год. Он писал: — «В ближайшем будущем не предвидится кризис европейского капитализма, который мог бы толкнуть рабочих на революционные всеобщие забастовки».

Этим голосам вторила и ИКП (Интернационалистская коммунистическая партия), тогда как ее молодежная организация РКМ (Революционная коммунистическая молодежь) уже была вовлечена в студенческие выступления во Франции. Призывая следовать идеям Троцкого, ИКП отходила от них на деле. На собрании в Лондоне, состоявшемся всего за несколько недель до начала забастовки, они утверждали, что революционное развитие событий в течение ближайших двадцати лет невозможно, что рабочие метрополий потерпели «поражение» и «отступают».

Они повернулись спиной к рабочему классу Европы и принялись подыскивать для своей «революции» другие территории. То они обращали все свое внимание на различные студенческие движения, то пели дифирамбы лидерам колониальных революций на Кубе, в Алжире и Вьетнаме, несмотря на их схожесть со сталинистами. Они рассматривались как аналоги русской революции 1917 года.

Динамичность, массовость, размах революционного движения, охватившего Францию, удивили даже тех, для кого в то время рабочие выступления в развитых странах не являлись неожиданностью. Эти события воспроизводили картины революционного прошлого Франции и будущих свершений, предстоящих как в Европе, так и во всем мире.

В мае-июне 1968 года уже не только марксисты Британии признавали, что во Франции назревает революция. Французский

генерал Бофр, например, сказал: «Мы несомненно переживаем времена рождения революции с самым непредсказуемым ходом событий».

Серьезные стратеги капитала пришли к тем же выводам, что и марксисты, только с противоположной точки зрения. Газета *«Файненшл Таймс»* в своем выпуске от 22 мая 1968 года выразила трезгу мировой буржуазии по поводу надвигающихся волнений:

«Когда после нескольких мятежных дней в Париже в 1848 году Луи Филипп был свергнут с престола и бежал в Лондон, революции полыхали по всей Европе. А сейчас в Италии, Западной Германии, Бельгии и Испании уже достаточно проблем и без того дурного примера, который снова показывает «мать революций».

Лондонская газета *«Ивнинг Стэндард»* 29 мая заявляла: «Сложившуюся сегодня обстановку вполне можно подытожить в нескольких словах: это классическая революционная ситуация почти по учебнику истории». *«Экономист»* (от 1 июня) пришел к тому же выводу, хотя неделей раньше рассуждал о Франции как не революционной стране.

Когда же революционная буря улеглась, и комментаторы обрели привычное равновесие, тон их высказываний изменился. Теперь «майские события» рассматривались как «исключение», «отклонение», как «эпизод» — незабываемый, но все же «эпизод». Раздались дружные возгласы о том, что над французским обществом не висела никакая угроза. Но такое мощное социальное потрясение не могло быть погребено под разного рода декларациями. До сих пор нет ответа на вопросы: могли бы эти события повториться? Возможны ли они еще в какой-либо стране? Возможны ли они в *любой* из стран мира?

То, что всеобщая забастовка такого масштаба оказалась возможной в высокоразвитой капиталистической стране, до сих пор приводит в ужас правящие классы. И не только во Франции. По мере приближения спада мирового производства «призрак 68-го года» все увеличивается, принимая угрожающие очертания.

Итак, 68-му году предшествовал длительный послевоенный подъем. Он дал передышку рабочим. Понемногу затягивались раны минувших поражений и разочарований. Множились и крепили ряды рабочих организаций. Предприниматели, умиротворенные огромными прибылями, казались более благосклонными к требованиям рабочих. Острые углы классовых отношений сгладились, создалась атмосфера, благоприятная для развития идей реформизма. Иллюзия, что капитализм способен постепенно удовлетворить все запросы рабочих, привела лидеров рабочих организаций к отходу от идеи о необходимости социализма.

Анализ, сделанный так называемыми троцкистами-теоретиками, явился лишь другой стороной той же монеты. Вместе с многочисленными исследователями они открыли еще один тормоз, препятствующий движению рабочих к социализму — существование «сильного государства». Таким государством была Франция, сила и мощь которой олицетворял президент Шарль де Голль. Он пришел к власти в 1958 году в обстановке экономического кризиса под знаменем «спасения нации», взяв на себя «миссию» покончить с освободительной войной в Алжире.

«Я принадлежу всем и все принадлежат мне».

СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО?

В свое время Фридрих Энгельс писал о том, что на определенных ступенях классовой борьбы государство отрывается от общества и оказывается более, чем когда-либо, далеким от интересов как одной, так и другой из главных противоборствующих сил. И все же, несмотря на видимость равновесия между ними, в конечном итоге государство выражает интересы экономически господствующего класса. Во время президентства де Голля таковыми являлись французские капиталисты.

Сам де Голль объявил о том, что он представляет «третий путь между капитализмом и коммунизмом». В действительности, — ничего подобного! Де Голль обеспечил безопасность французского капитализма, при этом он был вынужден опираться на различные классы общества. Ему даже пришлось принять меры, пришедшиеся не по вкусу части капиталистов и мелких буржуа, — тем, кто резко возражал против отказа от французской колонии в Алжире. Он также осуществил государственное вмешательство в ранее беспрепятственное хозяйничанье капитала, повлекшее за собой процветание крупного бизнеса и ограничение поля деятельности мелкой буржуазии, в особенности мелкого предпринимательства. Более того, даже эти слои оказались частично лишенными публичного права обсуждения, оспаривания и критики, так как была введена жесткая цензура средств массовой информации.

В действии была особая форма личной власти. Когда де Голль стал президентом, он заявил: «Я принадлежу всем, и все принадлежат мне». Он проводил политику игнорирования парламента, предпочитая управлять указами, одобренными иногда плебисцитом — «народным» референдумом.

В результате отсутствия надежной общественной поддержки, бонапартистское государство в конечном итоге опирается на «меч» — свои вооруженные структуры. На фоне откровенно полицейских диктатур, существовавших в разное время в отдельных странах, деголлевский бонапартизм являлся наиболее ограниченной, парламентской разновидностью подобного государственного устройства. Тем не менее это был жестокий режим, реагирующий на события в критический момент по свойственной ему схеме: «сначала ударить — потом подумать». Эта тактика, однако, не сработала должным образом во время студенческих выступлений и обещала еще меньше успеха в предстоящей борьбе с молодым поколением французских рабочих, чьи организации еще не подвергались разгрому.

Для поддержания порядка в деголлевской Франции была значительно увеличена численность военизированных сил — на

каждого жителя Франции их приходилось больше, чем в какой-либо другой развитой капиталистической стране. Но даже такая мощная государственная машина сломалась при первом же серьезном испытании, тем самым сведя на нет теории всех отошедших от рабочего класса деятелей.

Революционная ситуация, подобная сложившейся во Франции в мае 1968, может сделать так, что 20 лет покажутся одним днем, или как выразился Маркс «наступают дни, концентрирующие в себе двадцатилетия». Революционная ситуация или, точнее, период, когда возможно революционное взятие власти, по самой своей природе, не может продолжаться неограниченный период времени, она длится дни, недели, самое большее — месяцы. В России такой период продолжался не больше трех месяцев. Развитие событий при любой революции непременно проходит определенные этапы, но борьбу за демократию невозможно рассматривать как ступень отдельную от борьбы за социализм, как это настойчиво пытаются доказать «коммунистические» партии. Приход де Голля еще раз продемонстрировал как непрочна демократия в капиталистическом обществе. А такая вещь, как социалистическая демократия, может установиться только при условии, если рычаги управления экономикой возьмет в свои руки рабочий класс. События 1968 года во Франции показали, что эта идея далеко не утопична. Всем слоям общества была дана возможность убедиться на деле в том, что есть более практичный, справедливый и гуманный путь организации вещей, нежели диктуемый капитализмом. Эти события также окончательно доказали, что задачу социалистической революции способен претворить в жизнь только рабочий класс и никакой другой. Во Франции 1968 года, с ее мощным рабочим классом, поддержанным и средними классами, социалистическая революция могла бы свершиться мирным путем и в течение нескольких дней.

СТУДЕНТЫ ВЫХОДЯТ НА УЛИЦЫ.

Развитие событий в 1968 году с первого взгляда, казалось, доказывало бытующее у студентов всего мира убеждение о том, что они могут «детонировать» революцию. Без сомнения, правителей не одной страны бросало в дрожь от такой перспективы! Мир переживал беспрецедентную волну студенческих выступлений: Польша, Италия, Испания, Германия, Британия, Америка. В отдельных странах эта борьба достигла еще более широкого размаха, чем во Франции.

В Испании учащаяся молодежь восстала против диктатора Франко. В Соединенных Штатах студенты возглавили движение против войны во Вьетнаме, а на юге страны — движение «черного самосознания» и за гражданские права черного населения. В Северной Ирландии студенты участвовали в разгоревшейся с новой силой борьбе против антикатолической дискриминации. Мощное политическое течение, известное под названием «пражская весна», охватило интеллигенцию, студентов и часть рабочих в Чехословакии.

Крупные сражения развернулись почти в каждом университетском городе Германии. Было даже совершено покушение на жизнь лидера студенческого движения Руди Дучке. В Англии, как и в других странах, студенты собирались на многотысячные демонстрации против американской войны во Вьетнаме. И хотя везде студенческие выступления свидетельствовали о наличии более глубоких социальных конфликтов, нигде кроме Франции они не вызвали всеобщую забастовку рабочих — единственную, потенциально способную положить конец власти капитала.

Чем это объяснить? Причина кроется не в применении каких-то особых методов французскими студентами, а в одновременном соединении всех политических и социальных предпосылок революции, превратившихся во взрывоопасную смесь. А бонапартизм де Голля послужил дополнительным усугубляющим «детонатором».

В начале 60-х годов французские студенты были вовлечены в большое движение против войны в Алжире. Не менее решительно, чем кто-либо другой, они поддержали борьбу за независимость во Вьетнаме. Эта дело было особенно важным, поскольку вьетнамские события явственно напоминали бесславную попытку Франции удержать господство в Индокитае — своей бывшей колонии. Американский империализм стал господствовать в Южном Вьетнаме

Франция солидарна с борющимися Вьетнамом.

как раз после катастрофического поражения французских войск в Дьенбьенфу (1954г.).

В начале 1968 года студенты заявили о себе требованиями отменить многочисленные ограничения и устаревшие правила в системе образования. Этот протест перерос в открытые столкновения на улицах университетских городков. С проворством, присущим напуганной бюрократии, власти призвали на помощь силы порядка. В ряде случаев полиции удалось утихомирить взбунтовавшуюся молодежь. Нескольким студентам из университета в Нантере (предместье Парижа), среди которых был Даниэль Кон-Бендит, было предъявлено обвинение в «хулиганских действиях». Университетский суд назначил заседание по их делу на начало мая. Назревало крупное столкновение студентов с фашистами. 2-го мая Нантерский университет был закрыт по распоряжению его директора Роша.

А на следующий день ненавистная ЦРС (спецподразделения полиции) разогнала мирную демонстрацию нантерских и сорбонских студентов. Сотни студентов были арестованы. Прекращены лекции в Сорбоне и Сансье-Аннекс. В атмосфере нарастающего возмущения профсоюз университетских преподавателей (СнеСЮП) призвал к забастовке, которую министр образования Ален Пейрефит незамедлительно объявил незаконной.

В воскресенье 5 мая арестованных накануне студентов поспешно оштрафовали и разместили по тюрьмам. Лиха беда начало! Последовало запрещение демонстраций, и тут же забастовки университетов подхватили средние школы. И каждый последующий удар «железного кулака» усиливал гнев и решительность учащейся молодежи.

В понедельник 6 мая ЦРС жестоко расправилась с шестидесятитысячной демонстрацией протеста в Латинском квартале Парижа, вызвав своими действиями всеобщее сочувствие парижан к борьбе студентов. Рабочие всей страны с негодованием услышали по радио весть о зверской расправе. Защищаясь, студенты принялись возводить баррикады из всего, что попадалось под руку. Это были первые баррикады на парижских улицах с 1944 года, когда рабочие восстали против немецких оккупантов накануне вступления в столицу союзных войск. На исходе кровавой ночи 739 раненых оказались в больнице. И еще многие сотни нуждающихся в медицинской помощи нашли приют в домах парижан. Ужас охватил средние слои общества при виде подобного развития событий. В последующие дни во французских газетах появились многочисленные свидетельства очевидцев. Так, например, в газете «Монд» один

врач описывал «со всею горечью своего бессилия» разыгравшуюся на его глазах трагедию.

«Выйдя из кафе, я увидел согнувшихся пополам молодых студентов-иностранцев, над каждым из них «трудились» дубинками четверо-пятеро полицейских. Удары наносились остервенело и методически: все больше по лицу, реже по ногам. Книги, которыми юноши пытались защититься, тут же полетели в сторону. Дубинки мелькали без устали, пока наконец несчастных не втащили в полицейский фургон, ожидавший в 30-ти метрах от происходящего. Каким же долгим показался этот путь! Крики возмущения и негодования в адрес истязателей раздавались со всего этого буржуазного квартала.

Одного чернокожего юношу, который попросту шел мимо, схватили и затолкали в «салатную корзину» (патрульный полицейский фургон). Спустя пятнадцать минут он вышел оттуда с окровавленным лицом, прошел шатаясь несколько шагов, и упал. Его тут же уложили на носилки и увезли. Причиной такого усиленного внимания к этому юноше оказался, надо полагать, цвет его кожи.

Чуть позже студентам все-таки удалось оттеснить полицейские подразделения вместе с их машинами и прочим имуществом. На головы блюстителей порядка летели бутылки с верхних этажей. Симпатии жителей были явно на стороне студентов, остававшихся хозяевами территории. На следующий день полиция выдвинет обвинения против иностранцев, и организованная в ответ грандиозная демонстрация растопчет «фараонов», и я признаюсь, что говорю об этом с удовлетворением.»

Отступления полицейских всегда встречались бурными аплодисментами зрителей на балконах. Об отчужденности жителей не было и речи, наоборот, парижане снабжали демонстрантов продуктами и радиоприемниками, прятали их в своих квартирах. Опрос общественного мнения показал, что 80% населения Парижа поддерживали студентов. Правительство явно просчиталось в своем представлении о деятельности крошечной группы изолированных агитаторов. Пейрефит заявлял о «горстке смутьянов», и лидеры «коммунистической» партии послушно вторили подобным мнениям, утверждая, что движение студентов является результатом деятельности разрозненных групп и «группочек» — троцкистов, анархистов и даже агентов ОАС (военно-террористическая организация времен алжирской войны) и ЦРУ!

В БОРЬБУ ВСТУПАЮТ МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ

События 6 мая повлекли за собой бурные дни демонстраций, уличных боев и баррикад. К студентам на баррикадах присоединились молодые рабочие. Ряды бойцов постоянно пополнялись. «Мы — «группочка!» — насмеялись студенты над правительством и лидерами коммунистической партии. Демонстранты на улице

скандировали: «Да здравствует солидарность студентов и рабочих!», «Освободите наших товарищей!», «Полиция, вон из Латинского квартала!», «Откройте университеты!»

После революции 1848 года по распоряжению префекта полиции Османна узкие парижские улочки были перестроены в широкие бульвары, дабы навсегда исключить возможность перекрыть их баррикадами. А получилось так, что бульжники, которыми вымостили эти самые бульвары, послужили идеальным строительным материалом для баррикад 1968-го! При извлечении бульжников из мостовой пригодился опыт рабочих и их пневматические дрели. Все это помогло наладить достаточно быстрое и эффективное строительство заграждений.

Более 60-ти таких конструкций было возведено за ночь 10 мая, известную теперь как «ночь баррикад». Полиция испробовала все, кроме огнестрельного оружия: слезоточивый газ, дымовые шашки и даже нервно-паралитический газ Си-Эс. Жители близлежащих домов носили и выливали из окон воду по просьбе студентов, чтобы хоть как-то ослабить действие газа на глаза и кожу. От газа пострадали даже пассажиры линии метро под Латинским кварталом.

В одном из столкновений полиция разрядила 30 патронов со слезоточивым газом в помещении кафе. С самых первых стычек с полицией специального назначения студенты скандировали «ЦРС — СС». И с тех пор эта кличка к ней приклеилась. На этот раз штурмовая полиция решила отомстить и приступила к «делу» с угрозами: «Мы вам покажем «СС»!

Студентка первого курса философии рассказывала потом, как она отчаянно пыталась выбраться из уборной кафе, но каждый раз ее вталкивали обратно. А там на полу кричали и мучились пораженные газом женщины — эта участь не миновала и ее. Позже, оказавшись наверху и придя в себя, девушка обнаружила, что полностью лишилась зрения.

Последствия сражений на улице Гей-Люссака были настолько ужасающими, что медики потребовали публичного судебного расследования действий полиции и привлечения виновных к ответственности. Сообщалось о том, что полицейские машины врезались в ряды демонстрантов. Был даже случай, когда полицейская машина протащила человека на переднем бампере целых 30 метров, а потом водитель заявил, что не видел его! Даже Красный Крест, просивший разрешения подобрать раненых, не был допущен полицией к баррикадам в ночь на 10 мая — в разгар кровопролития, когда ЦРС штурмовала баррикады.

А накануне этих событий Пейрефит запретил открыть университет в Нантере. Общий гнев, вызванный грубым ответом правительства, достиг точки кипения. Лидеры крупнейших профсоюзных организаций и левых партий вынуждены были призвать трудящихся к 24-ти часовой всеобщей забастовке в понедельник 13 мая. Премьер-министр Помпиду немедленно заявил об открытии Сорбонны и выводе полиции. Но этого было слишком мало, да и поздно обещано. «Шлюзы» открыты и не закроются до самого июня. Деголлевский афоризм «государство никогда не отступает» обращается в прах! Для де Голля эти события стали началом его конца.

Студенты не удовлетворялись частичной уступкой правительства, однако ее было достаточно, чтобы воодушевить миллионы рабочих последовать примеру студентов — бастовать и выдвигать свои требования. Рабочих, в особенности молодых, зажгли смелость и задор, проявленные студентами в борьбе. Первоначально студентов побудило выступить их недовольство чересчур централизованной системой образования, но вскоре они поставили под вопрос саму структуру общества. Курок спущен — грянула волна рабочих выступлений. Такая последовательность событий, к сожалению, давала повод учащейся молодежи вообразить себя движущей силой революции. Хотя в действительности уже была подготовлена почва для рабочего движения.

БУМ БОЛЬШОЙ ЦЕНОЙ

Грандиозная майская забастовка 1968 года происходила отнюдь не на фоне спада или застоя, напротив, это было время устойчивого роста реальных доходов — в среднем на 5% в год. Для определенных групп населения, квалифицированных рабочих и специалистов в особенности, послевоенный бум рисовал радужные перспективы. За десять лет увеличилось вдвое число владельцев автомобилей, также удвоилось количество стиральных машин в частных домах. Приобретение холодильников возросло в три раза, более миллиона французов купили загородный дом. А владельцев телевизоров стало больше в пять раз.

Но именно этот, якобы продажный, «обуржуазившийся» в «потребительском обществе» пролетариат, осуществил крупнейшую в истории всеобщую забастовку. Именно эти рабочие со всей своей силой и мощью устремились к свершению революции.

Таким образом, налицо кажущееся противоречие: рост уровня жизни рабочих, который, как верили поверхностные журналисты, стабилизировал капитализм, а заодно и де Голля, и революционный взрыв. Майско-июньские потрясения 1968 года подтверждают марксистский вывод о том, что революционные условия подготавливаются не как следствие того или иного экономического спада или подъема, но как результат *смены* одной эпохи другой.

Экономическая катастрофа такого размаха, как в 1929-33 гг. в Америке, может на время оглушить и парализовать пролетариат. А с другой стороны, рост производства с последующим сокращением безработицы может вернуть рабочему классу уверенность и готовит почву для нового взрыва классовой борьбы.

Послевоенный экономический подъем во Франции, в особенности при де Голле, залечил раны французского пролетариата. Горькое сознание довоенных и послевоенных поражений растворялось по мере подрастания нового боевого поколения рабочих. Теперь же инфляция и безработица грозили подорвать достигнутое «благополучие». Наряду с характерными особенностями деголлевского бонапартистского режима, эти факторы зарядили французское общество потенциалом для революционной борьбы.

Сознавая всю опасность формирования мощного рабочего класса во Франции с ее сильными революционными традициями, правящий класс страны умышленно тормозил развитие промышленности в течение 150 лет, вплоть до конца 1950-х. Франция была признана «банкиром мира», к тому же все еще располагала огромной армией

крестьянства, предназначенной быть политическим противовесом рабочему населению городов.

Даже еще в 1968 г. половина населения страны проживала в небольших поселках численностью менее 2000 человек. В промышленности было занято только 28% всей рабочей силы, тогда как в Англии и Германии — 35%. Франция не достигала и половины средней западноевропейской производительности труда. Однако за 20 лет Франция продемонстрировала самое стремительное на Западе сокращение доли населения, занятого в сельском хозяйстве — с 35% в 1945 году до 17%.

Пришедшему к власти в 1958 г. — в самый разгар беспрецедентного послевоенного бума — де Голлю пришлось волей-неволей исполнить веление времени и вывести Францию на мировой промышленный рынок, т.е. вступить в конкуренцию. Ему на руку сыграли 15-ти процентная девальвация франка и внушительные капиталовложения Соединенных Штатов. Дефицит платежного баланса был обращен в излишек и был накоплен огромный золотой запас в 5,5 млрд. долларов. Но основание блистательного бума уже было подведено ржавчиной. Чудо произошло за счет условий жизни и труда миллионов рабочих. Быстрая экспансия принесла с собой 45% инфляции за десять лет. Рост цен особенно усилился к 1968 г. в результате введения налога на добавленную стоимость и снятия ограничений с платы за жилье. С 1960 года число безработных возросло на 70% — это более 500000 человек (по данным профсоюзов — 700000). Четвертую часть безработных составляли выпускники школ, высших учебных заведений и студенты, не закончившие учебу. Считалось, что половина безработных моложе 25 лет.

Были урезаны и без того скудные вложения в здравоохранение и социальное обеспечение. Особенно накалил обстановку очередной указ, урезающий оплату больничных листов. Детская смертность во Франции была высокой по европейским меркам. Три миллиона парижан продолжали жить в домах без удобств, половина жилья все еще не была оснащена канализацией. На заводах практиковались сверхурочные, часто при сохранении низкой заработной платы. Четвертая часть рабочих получала не более 145 франков в неделю, а неквалифицированные и сельхозхозяйственные рабочие (1,5 млн. человек) — 400 франков в месяц и меньше. Шесть миллионов жили за чертой бедности. До войны правительством Народного фронта 1936 г. была введена 40-часовая рабочая неделя, но теперь, в 1968 г., ее средняя продолжительность составляла 45 часов.

СЦЕНА ИЗ АДА

Во время бума во Франции, как грибы после дождя, повсюду вырастали гигантские автозаводы, на которых самые современные машины производились в допотопных условиях. Как и в Америке 30-х гг, производственные линии здесь охранялись частными армиями вооруженных головорезов. Труд иммигрантов применялся намеренно с тем, чтобы разъединить рабочих. На конвейерах рабочих распределяли по национальному признаку таким образом, чтобы рядом стоящие не говорили на одном языке.

«Лучшая доля» иммиграции.

Франция привлекла на свои рабочие места три миллиона ищущих лучшей доли жителей Южной Европы, Северной Африки и стран Карибского бассейна. Только на парижских заводах «Ситроена» треть из 40000 рабочих составляли иммигранты. Тысячи, в основном испанцы и португальцы, были заняты в больших машиностроительных фирмах. Их мечты на лучшую долю были подорваны, когда они обнаружили, что условия их жизни и труда не лучше, чем в «третьем мире». Если же кто-то не желал мириться с этим, наниматели легко избавлялись от «непокорного», лишая его с помощью полиции разрешения работать в стране. Многие заводские общежития были переполнены; люди жили в антисанитарных условиях под тяжестью истинно драконовской дисциплины — никаких гостей, никаких газет и даже никаких разговоров за едой. Корреспондент английской газеты *«Милитант»* во Франции описывал следующим образом ситуацию, сложившуюся на заводе «Симка» в мае 1968 года.

«Предприятие напоминает полицейское государство в миниатюре: со своей заводской полицией и широкой шпионской сетью, отслеживающей в первую очередь профсоюзных деятелей. Причем эта система призвана не только выполнять функции подавления непосредственно на производстве, но и контролировать жилые дома и больницы компании. Иммигранты составляли здесь 60% рабочей силы. Во время забастовки 4000 иностранных рабочих были заточены в заводском общежитии. Люди, попытавшиеся выйти из общежития, рисковали попасть под подозрение по той простой причине, что «работы нет, и вам некуда идти».

На заводе «Рено» во Флэне рабочие-иммигранты приняли активное участие в пикетировании в самом начале разворачивающихся событий. Во время демонстрации 13 мая в Париже группы португальских рабочих скандировали: «Де Голль, Франко и Салазар — убийцы!» Магрибский комитет действия выпустил листовку, призывающую северо-африканских рабочих поддержать забастовку и содержащую обвинения в адрес диктаторских режимов в Тунисе, Алжире и Марокко, где уже восстали студенты, преподаватели и учащаяся молодежь.

Забастовка объединяла рабочих в их единодушном протесте против нечеловеческих темпов и напряжения труда на производстве, против работы на износ мускулов и нервов. «Экономист», например, назвала сборочный конвейер и литейный цех крупнейшего завода «Рено» в Бийанкуре «сценой из ада».

Все это объясняет, почему Франция взорвалась, как пороховая бочка. Здесь же и причина небывалого энтузиазма и радостного возбуждения, с которыми рабочие восприняли возможность изменить свою повседневную жизнь. Понятны также горечь и жажда мести, прорывавшиеся во многих лозунгах и плакатах того времени, а также в чучелах капиталистов, болтающихся на самодельных виселицах рядом с заводами. Понятны горячие споры, захват заводских помещений, пение революционных песен и сама праздничная атмосфера, сопровождавшая прекращение работы. Понятно и то, почему бастующие иногда запирали своих хозяев в их конторах, а еду спускали им в ведерках через световые люки.

Хотя майским событиям 1968 г. и предшествовали вполне ощутимые подземные толчки, неоднократно предупреждавшие о надвигающемся землетрясении, невозможно было предположить такого фантастического взрыва, последовавшего после того, как крышка на деголлевском обществе была приподнята.

Свершилось то, что Маркс и Энгельс предсказывали в «Манифесте Коммунистической партии», то, чего так справедливо опасались правящие классы Франции: форсирование темпов индустриализации привело к высокой концентрации рабочей силы на

местах (один только завод «Рено» в Бийанкуре сосредоточил 30000 человек). Капитализм породил собственных могильщиков, и прежде всего, в лице молодежи.

ФАБРИКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Треть населения Франции в мае 1968 г. составляли молодые люди в возрасте до двадцати лет. Из них более 500000 учились в университетах (лишь 123000 в 1946 г. и 202000 в 1961 г.). В 1964 г. в Нантер, рассматривавшийся министерством образования как образец для университетов будущего, было принято 2300 студентов. К 1968 г. эта цифра увеличилась в шесть раз! Университет представляет собой целый комплекс строгих кубических сооружений из стекла и металла, в свое время поспешно возведенный с целью разгрузить «кишащий муравейник Латинского квартала», как называли его Сил и Макконвилл в своей книге *«Французская революция 1968 года»*. В настоящий очаг революции превратился Нантер, ютившийся между строительством автомагистралей и трущобами поселков североамериканцев. Именно здесь родилось «движение 22 марта» Даниэля Кон-Бендита. Это была довольно аморфная, но смелая группировка анархистов, организовавших в тот день акцию захвата нескольких помещений университета в знак протеста против того, как обошлись с участниками акций против войны во Вьетнаме.

Девяносто процентов французских студентов все еще были выходцами из крупной и мелкой буржуазии. Даже отпрыски министров и дети главного начальника полиции принимали участие в майских событиях. Непомерная концентрация этой «золотой молодежи» в неэффективных и убогих «фабриках просвещения» с их жесткими принципами организации учебы и общественной жизни в студенческих городках неизбежно вела к конфликтам между студентами и преподавателями. К тому же ходили упорные слухи о том, что с молчаливого согласия университетских властей в студенческих городках беспрепятственно действовали полицейские шпионы. Не хватало помещений — библиотеки, лаборатории и лекционные залы были переполнены; три четверти студентов не заканчивали курса и, по меньшей мере, каждый второй был вынужден подрабатывать, чтобы как-то прожить, что далеко не лучшим образом отражалось на учебе.

Ален Пейрефит, которому «посчастливилось» быть на посту министра образования во время майских событий, заявил в 1967 г.:

«Складывается такое впечатление, будто мы умышленно потопили корабль, чтобы выявить лучших пловцов». За предыдущие пятнадцать лет затраты на образование увеличились в шесть раз, но этого все же оказалось недостаточно для того, чтобы обеспечить стремительно растущую армию студентов необходимыми помещениями и соответствующим преподавательским штатом.

Как заметил нантерский социолог Ален Турэн:

«Современный большой университетский городок замыкает в себе студентов подобно тому, как заводские поселки американских компаний замыкают в себе рабочих. Студенческая толпа, такая же плотная и безликая как рабочая масса, несет свои требования, выдвигает своих лидеров и дышит сознанием своей растущей силы».

Здесь же напрашивается сравнение французских университетов с русскими заводами, работающими по планам, спускаемым сверху. Все 23 университета контролировало государство, превратив их в некий правительственный департамент, функционирующий согласно жестко установленным правилам. Всякое недовольство немедленно подавлялось вместо того, чтобы решаться путем переговоров и реформ. В Нантере не раз вспыхивали бунты против правил, запрещающих студентам посещать в общежитиях лиц противоположного пола.

Недовольство методами преподавания и самой его направленностью в капиталистическом обществе дошло до последней точки. А новые предложения, призванные приблизить образование к нуждам промышленников, подлили масла в огонь.

В это же время учащиеся средних школ (лицеев), охваченные всеобщим порывом возмущения войной во Вьетнаме, провели 24-часовые забастовки и демонстрации под руководством лицейских комитетов действия. Лицеистов волновали и собственные проблемы: давно уже не отвечала их потребностям старая система экзаменов на степень бакалавра, да к тому же впереди маячила мрачная перспектива отмены свободного (т.е. без экзаменов) поступления в университеты. Одним словом, школьники только и ожидали повода выйти на улицы в тот момент, когда, так называемые «бешеные» из числа студентов вступили в открытую конфронтацию с властями.

Ко времени майских битв университетские профессора в большинстве своем поддерживали требования студентов провести реформу системы образования. Что же касается преподавателей лицеев, сначала они пытались сдержать своих 13-14-летних воспитанников — даже запирали их в классах. Однако буквально через несколько дней они уже участвовали в демонстрациях и захвате лицеев с родителями своих учеников!

Великий русский революционер Лев Троцкий отмечал в свое время, что революционный вихрь в первую очередь раскачивает верхушки деревьев — сыновей и дочерей правящего класса, студентов — казалось бы, избалованный общественный слой. Он объясняет, что именно во время учебы в университетах молодые люди в первый и, как правило, в последний раз в своей жизни могут почувствовать себя свободными от предрассудков взрастившего их буржуазного общества. Университет является для них своего рода «передышкой» между отрочеством, проведенным в среде условностей и ограничений буржуазной семьи, и возвращением в тот же буржуазный круг, где их ожидают престижная работа и положение в обществе. Более того, они расслабляются до увлечения самыми радикальными идеями, даже социалистическими и квазимарксистскими, которые обычно совершенно чужды буржуа.

Массовое движение пролетариата может оказать мощное влияние на мировоззрение студентов. По крайней мере, если полюс притяжения достаточно силен, лучшие представители студенчества закономерно становятся сторонниками идей социализма и марксизма. А те из них, которым удастся окончательно порвать со своим буржуазным и мелкобуржуазным прошлым, как правило, впоследствии показывают себя убежденными борцами за дело рабочего класса.

Трагедия заключалась в том, что во Франции не было организации, способной содействовать этому процессу. Напротив, ультра-левые секты, провозглашавшие себя «троцкистами», кричали на каждом углу о «руководящей роли» учащейся молодежи в развернувшейся борьбе, тем самым подкрепляя чисто барское заблуждение студентов касательно их миссии в этой революции. Они утверждали, что революция должна произойти под дирижерскую палочку студентов. А одна из сект — РКМ, не постеснялась даже лицемерно воспользоваться в своей листовке цитатой из Ленина о том, что рабочий класс не может выйти за рамки тред-юнионистского сознания. Намек предполагал необходимость предоставить студентам посты «революционных генералов» в то время, как «обязанность» рабочих — поставлять рядовой состав! И подобные заявления раздавались именно в то время, когда многомиллионный французский пролетариат не только очнулся от спячки, но уже почувствовал вкус смелой импровизации, инициативы и отважных дерзаний! Естественно, что прочитав такую листовку рабочие лишь в недоумении пожимали плечами и возвращались к серьезным делам.

С меньшей претензией на научность объяснял один из происходивших в начале мая процессов лондонский *«Экономист»* в номере от 22 мая 1968 г.:

«Нет никаких сомнений в том, что многие из сегодняшних бунтарей завтра же погрязнут в рутине будней, в постоянных поисках местечка потеплее и куска побольше. А пока они слишком молоды и охотно дают себя увлечь лозунгами, зовущими к низвержению существующих порядков. Полицейская дубинка доделала остальное!»

«Ударная сила» мобильной жандармерии и ЦРС была замечательным воспитателем. Как отмечалось в вышеупомянутой статье: «Во Франции есть войска, необходимые для гражданской войны, и различные режимы часто безжалостно использовали их».

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕПРЕССИИ

«Роты республиканской безопасности» (сокращенно ЦРС) — это вооруженные подразделения специальной полиции. Они были сформированы в конце второй мировой войны. В первый раз они «прошли боевое крещение» еще в 1947 г., когда социал-демократический министр внутренних дел Жюль Мок послал их против бастующих шахтеров. С тех пор правительство неоднократно прибегало к помощи этих формирований для подавления забастовок и демонстраций. Никогда, однако, они не использовались так широко против студентов.

Парижская полиция в то время кишела реакционными элементами разных оттенков, питавших общую ненависть к передовой интеллигенции, коммунистам, профсоюзным деятелям..., одним словом ко всем, кто, по их глубокому убеждению, «продал Францию и ее колонии». Среди «блюстителей порядка» процветал злобный расизм, проявившийся в жестоких преследованиях индокитайцев и позже — алжирцев, достигший высшей точки во время кровавых расправ с демонстрациями алжирских иммигрантов в Париже. Позорными страницами из жизни столичной «армии порядка» является так называемая «охота на крыс» — бесчеловечная травля парижан-иммигрантов, в первую очередь темнокожих, в глухих переулках городских окраин и временных поселков. Не меньше доставалось и французам, выступавшим за независимость Алжира. Во время демонстрации против терроризма ОАС 8 февраля 1962 г. у станции метро «Шарон» в результате вмешательства полиции погибло восемь человек.

После деголлевского переворота 1958 г. в парижской префектуре были созданы секретные «комитеты общественной» безопасности.

Во время уличных сражений отличились подразделения еще одной полунезависимой-полувоенной организации, учрежденной голлистской партией — Службы Гражданского Действия (САС). Примечательно то, что в эту организацию входил Паскуа (который позднее, при Шираке, стал министром внутренних дел и был ненавидим народом). Члены САС требовали выдать им шлемы и дубинки, чтобы участвовать в штурме баррикад на стороне полиции. Были среди них и такие, кто сколачивал из полицейских целые отряды, неподконтрольные полицейскому начальству. Позже, когда вслед за речью де Голля, 30 мая были мобилизованы Комитеты защиты республики, САС распространила среди полицейских и ЦРС листовку, призывавшую вступать в ее ряды.

Подобные группировки явились без сомнения зачинщиками самых трагичных инцидентов на улицах Парижа в мае 1968. В этой связи префект полиции Гримо выступил перед полицейскими с предупредительной речью в адрес «тех, явно немногих из вас, кто своими необдуманными действиями поставил под угрозу репутацию службы порядка, подтвердив тем самым то неприятное представление о нас, которое пытаются навязать людям.»

Элитные формирования, обычно менее всего подверженные влиянию общества, представляют собой крупное оружие в арсенале бонапартистского государства. Но ведь военно-полицейская диктатура никогда не отличалась гибкостью и чуткостью, даже если это режим в деголлевском варианте, связанный парламентскими формами.

Гнев и возмущение, постепенно накапливающиеся во французском обществе, вызывались в значительной степени и действиями вышеупомянутой государственной машины подавления. Ни один слой населения не остался не задетым ее репрессиями. Поведение правительства, отвратительная деголлевская манера игнорировать кризис, сам казарменный язык де Голля, — все это, в конце концов, подтолкнуло людей открыто выразить свое негодование, выношенное в течение долгих лет произвола «личной власти».

В частной беседе 7 мая де Голль изложил свои соображения о необходимости модернизации образования, но одновременно высказался категорически против беспорядков и насилия на улицах: «Это никогда не было способом диалога.» Мало кто верил, что де Голль когда-либо вел диалог с людьми — даже когда он использовал излюбленный бонапартистский трюк с проведением референдума.

Что же касается сил порядка, они оказались в определенном смысле за рамками закона. Парламентские обсуждения имели мало отношения к тому, что проводилось в жизнь государством, часто

с помощью указов. Жесткая цензура средств массовой информации в большинстве случаев душила всякие проявления критики. Ежедневные заседания редакции государственной телерадиокомпаний (ОРТФ) проводились в присутствии «гостей» из правительственных департаментов, которые после ознакомления с подготовленными выпусками новостей и программами «предлагали» свои поправки, добавления и купюры.

Правительственный надзор за деятельностью телевидения был особенно тщательным. Ни студентам, ни представителям преподавательского состава не разрешалось высказывать свое мнение перед телекамерой. Запрещалось снимать и демонстрировать уличные бои, — лишь изредка они могли появиться на экране в результате настоятельных требований профсоюзов. Однако несмотря на запреты круглосуточная французская радиослужба «*Франс-Интер*» исправно освещала события во время волнений. Их репортажи из Латинского квартала ничем не уступали сообщениям с передовой коммерческих станций «*Радио Люксембург*» и «*Европа N1*».

Для французского пролетариата, догоняющего своих европейских собратьев, а также среднего класса, предвкушающих плоды стремительного расширения экономики, язык сапога и диктаторские методы становились все более нетерпимыми.

Сатирическая газета «Канар Аншене» комментировала душную атмосферу в стране следующим образом: «Во всей Франции сегодня как бы огромный комендантский час». После того, как Помпиду заявил где-то о том, что «освободил» арестованных студентов, та же «Канар» изобразила его этаким самодержцем, карающим и милующим исключительно по своему усмотрению.

Неспособный установить всеобщее спокойствие бонапартистский режим был еще менее приспособлен справиться с кризисом. Требования студентов де Голль встретил с присущей ему грубостью: «Реформа — да, но без дерьма в постели!» Это оскорбление вернулось обратно к де Голлю в увеличенных размерах на студенческих плакатах и в криках демонстрантов «Дерьмо — это он!» ("Le chi-en-lit, c'est lui!")

Английская газета «Ивнинг Стэндард» писала: «Правительство оказалось в полной изоляции, что является естественным результатом стольких лет излишней самоуверенности и оторванности от нужд и мнений общества. Правительство не в состоянии планировать какие-либо согласованные действия». Оно стало трясти осиное гнездо, и его закусает до смерти.

ТУЧИ СОБИРАЮТСЯ

Майские дни выплеснули на поверхность глубокое возмущение, вызванное оскорбительным поведением и лживостью голлистского правления. Повсюду на фабриках и заводах выступления недовольных рабочих выливались в серьезные сражения. Грозная всеобщая забастовка грянула после долгих месяцев «брожения» и время от времени вспыхивающих конфликтов.

В 1963 г. правительство потерпело психологическое поражение в поединке с шахтерами, выстоявшими два с половиной месяца забастовки и добившимися частичной победы. Президентские выборы в декабре 1965 г. прошли не столь гладко для де Голля: из-за успеха Миттерана пришлось организовать второй тур.

В 1967 г. и в начале 1968 забастовки и локауты охватили рабочих автомобилестроения, металлургов, кораблестроителей и общественный сектор. Основные профсоюзные федерации призывали к однодневным и даже одночасовым забастовкам. То, что большинство рабочих (около 80%) не входили в профсоюзы, не помешало им принять участие в стачечной борьбе. Однако, именно такие неорганизованные рабочие коллективы часто оказывались брошенными на произвол судьбы в моменты ожесточенных схваток с силами порядка.

В июне 1967 г. администрация завода «Пежо» призвала полицию для расправы с забастовщиками; были убиты двое рабочих. Профсоюзные активисты, пытавшиеся создать организацию, были уволены. На заводе синтетических волокон «Родиясета» в Лионе борьба приняла затяжной характер: летом 1967 г. 14000 рабочих приняли участие в 23-дневной забастовке. Последовавшие вскоре увольнения и локауты были встречены массовыми выступлениями, не затихавшими и в 1968 году. Не менее бурные события происходили на автозаводе «Савьен» в Кане в январе 1968: на несколько дней схватки рабочих с войсками выкатилась за линию пикетов и бушевали на улицах города.

Высоким уровнем организации отличались рабочие завода «Рено» в Бийанкуре, где ведомая компартией профсоюзная конфедерация ВКТ охватывала три четверти из 30000 человек персонала (22000 на почасовой оплате). За период с марта по май 1968 г. члены профсоюза организовали не менее 80 акций с требованиями повышения заработной платы, сокращения часов работы и улучшения условий труда.

И в самые первые дни мая стачечная борьба не затихала. 100000 человек вышли на улицы Парижа, чтобы отметить праздник солидарности трудящихся. Поднимая кулаки, молодежь скандировала: «Работу молодежи!» В демонстрациях участвовали рабочие самых разных отраслей. Повсюду провозглашались требования 40-часовой рабочей недели, профсоюзных прав и отмены последних постановлений о социальном обеспечении. Две крупнейшие профсоюзные конфедерации — ВКТ и ФДКТ (бывшая католическая) — уже объявили 15 мая днем действий по проблемам социального обеспечения и безработицы. А на 8 мая они намечали массовые демонстрации на западе Франции.

В выпуске «Монд» от 3 мая сообщалось о напряженной обстановке на авиационном заводе «Сюд Авиасьон» в Нанте, в департаменте Луар Атлантик. Рабочие выступили против снижения заработной платы, которое, по настоянию хозяев, должно было сопровождать сокращение рабочей недели до 46,5 часов. Всю первую неделю мая они останавливали работу по несколько раз на день. Их требования поддерживали служащие. Именно этому заводу суждено было стать тиглем крупнейшей забастовки.

3 мая типографские рабочие выступили с угрозой забастовки. Водители парижских автобусов провели спонтанную забастовку против увеличения рабочего дня, в результате, в одном из пригородов курсировали 10 автобусов вместо 180.

5 мая 560 работников покинули цеха сахарного завода. 6 мая о своей готовности вступить в стачечную борьбу заявляют водители такси и почтовые работники. Газета «Монд» говорит и о «кризисе в больницах».

На следующий день профсоюзы полицейских обсуждают свои требования и предлагают провести акцию 1-го июня. На Корсике начинают захват предприятий молодые сельхозхозяйственные рабочие. Грозятся забастовкой авиадиспетчеры. На автомобильном заводе Берлье бастующие в течение 24-х часов отстаивают выплату надбавок. Свои требования обсуждают профсоюзы метеорологов! Горняки, добывающие железную руду, бастующие уже месяц, блокируют в течение часа одну из общегосударственных автомагистралей. В руках забастовщиков литейный завод, швейная фабрика занята работницами на недельный срок.

Самые драматичные события этого предварительного этапа развернулись на западе Франции: в массовых демонстрациях участвовали энергетики, транспортники, машиностроители, рыбаки, почтовые работники, строители, учителя, учащиеся школ, священ-

нослужители, монахини... и, в первую очередь, многочисленная молодежь. В знак солидарности закрылись магазины.

Неудивительно, что кризис особенно тяжело поразил именно эту часть страны с ее слабо развитой промышленностью, серьезными проблемами в сельском хозяйстве и высоким уровнем безработицы: 45000 школьников, ежегодно заканчивающих средние учебные заведения, безуспешно разыскивали работу в Париже. Сельскохозяйственное производство неуклонно падало, постоянно снижался уровень жизни.

Директор Института экономических и социальных наук в Анжье Поль Уэ писал: «Налицо все предпосылки предреволюционной ситуации». 8 мая в демонстрациях под лозунгом «Запад хочет жить!» приняли участие: в Бресте — 30000, в Кемпере — 20000, в Руане — 10000 человек; Сан Бриёк всколыхнула невиданная со времен Освобождения 10000-ная демонстрация, в Морле на городские улицы вышли 12000 человек, в Анжье и Нанте — 20000, в Ле Мане — 10000. Еще одна бомба замедленного действия начала свой отсчет!

Мощная волна рабочего движения подхватила и закружила в своем потоке лидеров различных партий и профсоюзов. Все большее количество молодых рабочих вливалось в студенческую борьбу. Поведение властей — администрации университетов, министров, полиции — только накаляло обстановку, усиливая гнев и возмущение, готовые прорваться в любом уголке Франции.

В ПЕРВЫЕ ДНИ...

Когда студенческие выступления распространились на заводы, в различных сферах стали происходить неожиданные метаморфозы.

В первые дни студенческих выступлений Пейрефит называл демонстрации «недоразумением местного масштаба», не имеющим ничего общего с событиями, происходящими в Берлине или Варшаве. К субботе 11 мая его жесткая позиция по отношению к студентам была дезавуирована премьером Помпиду. К концу того же месяца его пребывание на посту завершилось.

В первые дни студенческих выступлений президент Федерации левых партий Франсуа Миттеран оказывал весьма осторожную поддержку, говоря: «Каким бы ни было поведение студентов — поведение министра внутренних дел ничуть не лучше». К концу месяца он предложил создание Временного правительства из десяти

человек под его предводительством как единственный выход из кризиса!

В первые дни студенческих выступлений лидеры коммунистической партии и ее профсоюзной федерации ВКТ в один голос с советской «Правдой» осудили бунтарей, заявив о том, что «леваки», «анархисты», «троцкисты» и «псевдо-революционеры» мешают студентам сдавать экзамены. К 11 мая они уже призывали всех трудящихся к однодневной забастовке солидарности со студентами под лозунгом «Конец репрессиям!», а к концу месяца власть была преподнесена им на блюде!

В первые дни студенческих выступлений многие студенты отправлялись на заводы агитировать рабочих присоединяться к их борьбе и уходили ни с чем. К концу третьей недели мая 10 миллионов рабочих последовали их примеру, а затем, в июне, студенческие организации и газеты снова были запоздало запрещены голлистским режимом.

Непреодолимое давление снизу заставило лидеров рабочих организаций развернуться на 180 градусов в студенческом вопросе. Их целью теперь стало возглавить движение и направить его в нужное им русло. «Для многих организаторов демонстраций это само по себе означало конец всем событиям», — как признался впоследствии Андрэ Жансон из ФДКТ. Они рассчитывали на то, что 24-часовая всеобщая забастовка выплеснет основное возмущение, и жизнь вернется в свой обычный круг. Это довольно-таки избитая тактика особенно любима лидерами коммунистических профсоюзов (Жорж Марше, впоследствии ставший генеральным секретарем коммунистической партии, выступал в действительности даже против 24-часовой забастовки). В Италии, кстати, тот же метод был отточен до совершенства — всеобщие забастовки длительностью даже в две минуты вполне достигали поставленной «цели». Французские профсоюзные лидеры тоже частенько грешили этим приемом, нацеленным на рассеивание и ослабление энергии рабочего класса в моменты его готовности к серьезной борьбе. Еще до наступления мая они неоднократно организовывали разрозненные выступления местного характера — либо 24-часовые забастовки в отдельной отрасли, либо закрытие какого-нибудь завода в то время, как остальные продолжают работать, или одночасовое прекращение работы в отдельном цеху. Нередко бывало и такое, что забастовки заменялись составлением петиций и протестами.

Но несмотря на все ухищрения, всеобщая забастовка 13 мая не ограничилась двадцатью четырьмя часами. Она обратилась в грандиозную демонстрацию рабочей солидарности и оказала огром-

ное влияние на сознательность рабочего класса. Коль скоро они почувствовали свою мощь, то в силу существующих социальных условий они должны были идти впереди, никакие препятствия не могли помешать их продвижению. Рабочие самых разных отраслей и профессий вышли на демонстрации: в Париже — 1 млн. человек, в Марселе — 50000, Тулузе — 40000, Бордо — 50000 и в Лионе 60000 человек. «Джин» больше не хотел сидеть в бутылке!

В Париже в тот день демонстрация достигла такого размаха, что полиция вынуждена была стоять в стороне. Уровень преступности резко упал. В районах демонстраций не отмечалось случаев ограблений или битья стекол. Одна только ВКТ снарядила 20000 хорошо организованных дружинников.

Вот как описывал ситуацию в Париже один британский журналист:

«Бесконечная людская лавина... всех не сосчитать. Замыкающие колонну демонстранты смогут начать свой маршрут от площади Революции только через несколько часов после того, как первые ряды достигнут конечного пункта... Нескончаемый поток людей. Среди демонстрантов можно увидеть группы медицинского персонала в белых халатах, несущие плакаты со словами «Где наши «пропавшие без вести»? (Имеются в виду раненые в уличных боях, вскоре после госпитализации исчезнувшие из больницы: высказывалось опасение, что они содержатся под арестом в полицейских изоляторах).

По всей видимости в выступлениях приняли участие представители всех без исключения предприятий города. Здесь были железнодорожники, почтальоны, печатники, металлурги, работники метро и аэропортов, рыночные торговцы, адвокаты, электрики, сантехники, банковские служащие, строители, работники стекольной и химической промышленности, официанты, муниципальные чиновники, художники и оформители, газовики, продавщицы, страховые агенты, дворники, кинооператоры, водители автобусов, учителя, работники новой отрасли химической промышленности — производства пластмасс. Они шли ряд за рядом — плоть от плоти современного капиталистического общества, безграничная масса; сила, которая может смести все на своем пути, если только захочет...

Море плакатов с самыми разными лозунгами и требованиями — профсоюзными, студенческими, политическими, неполитическими... Здесь и транспаранты «Движения против атомного оружия», плакаты родительских комитетов. Многие лозунги встречаются аплодисментами, например, такой как «Освободим новости от цензуры!», представленный работниками телерадиокомпанияи СОРТФ. Некоторые плакаты отличаются явно символическим характером. Один из таких, принадлежавший группе художников, оказывал особенно гнетущее впечатление: человеческие руки, головы, глаза с цыпчиками, выставленные на продажу на крюках и подносах в мясной лавке.»

Учитывая всячески укрепляемую их лидерами разьединенность различных организаций трудящихся, весьма знаменательным было наличие сотен общих знамен, с которыми шли, объединившись,

различные профсоюзы. Другие знамена призывали: «Студенты, рабочие и учителя — объединяйтесь!» Красные флаги реяли повсюду. То там, то здесь раздавался «*Интернационал*». Слышались возгласы «Де Голль — в отставку!» и «Де Голль — убийца!» Ровно в день годовщины прихода де Голля к власти особенно охотно подхватывались речёвки: «Десять лет — достаточно!», «Прощай, Чарли!» и «Счастливого юбилея, де Голль!» Эта грандиозная демонстрация помогла рабочим осознать всю мощь и неодолимость их силы. Такое сознание само по себе является важнейшей составной частью реальной силы. Плотины вот-вот должно было прорвать.

СТУДЕНТЫ ЗАНИМАЮТ УНИВЕРСИТЕТЫ

Сразу же после демонстрации студенты направились в Сорбонну и Сансье- Аннекс, чтобы занять помещения университета и открыть их для рабочих и желающих участвовать в круглосуточных обсуждениях любых вопросов. Основанная еще в 13 веке, Сорбонна столетиями являлась бескомпромиссным цензором, охраняющим интересы католической церкви. Одно время она служила центром преследования протестантов и неверующих.

Теперь же ситуация была иной, последние барьеры сметены и наступил период истинного расцвета свободной мысли, что ярко отражалось в плакатах и лозунгах, покрывших все университетские стены: «Запрещено запрещать!», «Творчество, Непосредственность, Жизнь!», «Будущее станет таким, каким мы его сделаем сегодня!», «Рабочие всех стран, наслаждайтесь!», «Власть в руках воображения!», «Мы ничего не потребуем, мы ничего не попросим — мы возьмем, мы захватим!», «Возможно все!». Эти экстравагантные, экзотические идеи являлись плодами юношеской фантазии, долго сдерживаемой мелочными ограничениями и удушающей централизацией. По причине своей изолированности от рабочего движения студенты ошибочно вообразили, будто их сила рождается именно их действиями вместо действий пролетариата. Действительность порой предавалась забвению, а «демократия» доводилась до крайностей. Спорам не было конца.

Генеральная Ассамблея сорбоннских повстанцев еженочно собирала в здании амфитеатра более 5000 человек. Каждый мог взять слово, как правило, не более, чем на 3 минуты, но некоторые и чуть дольше. В учебных аудиториях размещались всевозможные комитеты: «Оккупационный комитет», «Пресс-комитет», «Комитет по пропаганде», «Комитет рабоче-студенческого взаимодействия»,

комитеты по делам иностранных студентов, комитеты лицеистов, а также комитеты, ответственные за распределение помещений. Организовывались различные комиссии для разработки специальных программ и проектов, таких, например, как изучение возможностей самоуправления в экзаменационной системе и т.д. Отдельная комиссия занималась собиранием фактов и документов по делу о жестокостях полиции.

Состав комитетов очень часто менялся, иногда даже каждый день, но, тем не менее определенный порядок удалось наладить. В подходящем вместительном холле была организована столовая, в другом помещении — детские ясли. Здесь же, в университете, разместились дортуары (общие спальни) и станция скорой помощи. Расписание дежурств предусматривало регулярную уборку помещений. Отряды «Службы порядка» охраняли входы в университет от возможных нападений полиции и фашистов.

В скором времени почти все французские университеты оказались в руках студентов, и настало время самых разных захватывающих экспериментов: «Критический Университет», «Перманентное Сомнение» и пр. Многие студенты проявляли чудеса мужества и находчивости в разного рода общественной деятельности: они организовали специальные бригады для строительства баррикад, для оказания помощи раненым, для перевозки почты на мотоциклах с красными флагами и т.д. Однако, как бы ни были они горды собой, и как бы ни была велика их уверенность очень многих из них в том, что они «руководят» революцией, поистине драматические события разворачивались в это время в другом месте.

«Тяжелые батальоны» заводских рабочих были уже готовы вступить в бой и увлечь за собой новые слои, еще не имеющие опыта борьбы. «Легкая кавалерия», как назвал Троцкий студентов и интеллигенцию, может совершить предварительный маневр, она проделывает первую брешь в рядах противника, а дело окончательной победы невозможно без могучей армии пролетариата.

После участия в грандиозной демонстрации 13 мая рабочие расходились по домам, находясь под сильным впечатлением от всего происшедшего, и уже спустя несколько дней, а в нескольких случаях — несколько часов, многие из них вновь забастуют, оспаривая право на управление государством.

Президент республики генерал де Голль не делает никаких публичных заявлений и вообще начинает казаться неадекватным происходящему. Известный всему миру тактик, он, тем не менее, решает не откладывать уже запланированный официальный визит в Румынию — как будто ничего ровным счетом и не случилось.

Ранее, в мае, он назвал Советский Союз «оплотом Европы». Наверно, они с румынским лидером Чаушеску успокоят друг друга перед опасностью бури, которая могла бы смести с лица земли режимы как одного, так и другого.

В Чехословакии в это время разворачивается движение, грозящее вылиться в политическую революцию против власти всех диктатур сталинистского толка на Востоке. Забастовочная волна во Франции поставила под угрозу не только существование капитализма в Европе, но в перспективе могла обострить недовольство трудящихся, живущих при сталинистских режимах. Всеобщая забастовка зашла достаточно далеко еще задолго до возвращения де Голля во Францию.

ГРОМ ГРЯНУЛ

На следующее утро после однодневной забастовки 13 мая только 200 рабочих продолжали бастовать; к 19 мая бастовали уже 2 миллиона, а к 21 мая — десять миллионов человек.

Случилось так, что первой искрой, от которой вспыхнуло пламя исторической всеобщей забастовки, послужили действия молодых металлургов завода «Сюд Авиасьон». Еще до описываемых событий они взяли за правило каждый вторник останавливать работу на 15 минут для предъявления претензий начальству. На этот раз, воодушевленные революционными протестами студентов и ощущением собственной силы, испытанной накануне, они решили не возобновлять работу по истечении этого срока, а продолжить акцию и охватить ею все предприятие. Они заперли 20 чиновников администрации в их кабинетах и заставили их учить слова «*Интернационала*», включая его запись через громкоговорители. У дверей выставили охрану; даже хозяева могли выйти в туалет лишь в сопровождении рабочего эскорта. Рабочие сформировали комитет действия и приступили к расширению забастовки.

То, что забастовка началась именно здесь, не было случайностью: спорадические конфликты рабочих с начальством уже не раз будоражили это предприятие. Часть его молодых рабочих была увлечена марксистскими идеями. Но социальные условия во Франции были таковы, что, не начнись забастовка на данном заводе, она непременно вспыхнула бы на другом. Революционные идеи, упавшие пшеничными зернами на благодатную почву еще до описываемых событий, начали пускать корни.

Студенческие выступления и массовые демонстрации рабочих прорвали плотину: движение начато и его уже было не остановить. 15 мая забастовки и занятие предприятий охватили автозаводы «Рено», судовой верфи, больницы, а также национальный театр «Одеон».

К 16 мая автомобилестроители «Рено» (60000 человек) прекратили работу и захватили шесть заводов. Вот как описывала «*Санди Таймс*» эти события:

«Началось все с того, что на заводе-гиганте «Рено» в Бийанкуре среди молодых и, в первую очередь, среди квалифицированных рабочих стали ходить разговоры о том, что, мол, *если студенты смогли добиться уступок от правительства, то и профсоюзы способны на это...* В четверг заводы «Рено» в Клеоне и Флэне забастовали. В пятницу утром остановились производственные линии и в Бийанкуре... Примечательно, что забастовку начали рабочие инструментального цеха (цех N 70). Она уже разворачивалась полным ходом, когда на завод прибыла делегация студентов из Латинского квартала.

Ежедневные митинги собирают под крышей огромного гаража до 4000 людей. Атмосфера там назлектризованная, — ее можно сравнить со всеобщим возбуждением карнавала. Один из плакатов требует: «Больше мест в университетах для детей рабочих!»... Речи, прерываются требованиями отставки де Голля... Из громкоговорителя грохочет «Интернационал», его охотно подхватывают люди самых разных политических взглядов: солидарность становится вдруг чем-то реальным, вполне ощутимым — это очень волнующее чувство.»

Завод «Рено» в Клеоне близ Руана, делающий коробки передач, был только недавно пущен, и его контингент составляла, в основном, молодежь — вчерашние деревенские парни и девушки. Они не принимали активного участия в событиях 13 мая, но, понаблюдав за происходящим, решили «исправиться при первой же возможности», как выразился один из рабочих. Когда директор завода отказался принять их делегацию, они заперли его в собственном кабинете и держали там под арестом. Три тысячи рабочих фирмы «Рено» во Флэне регулярно устраивали пикеты. Они же направляли группы агитаторов на близлежащие небольшие заводы, еще не присоединившиеся к забастовке.

Колебания наблюдались на одном из предприятий компании «Ситроен», где самое большое 200 из 18000 рабочих входили в профсоюзы. «Канар Аншене» описывала сцену, как «заводские фараоны» (фирменная полиция) молча наблюдали за попытками профсоюзников убедить рабочих объявить забастовку и не могли добиться согласия. Тогда один из членов профсоюза предложил, чтобы кто-нибудь из «фараонов» выступил перед рабочими с изложением позиции администрации. «Ответ полицейского был так неубедителен, что люди перестали сомневаться и тут же на месте проголосовали за забастовку». Кстати говоря, до майской забастовки «Ситроен» слыл «фабрикой страха».

Повсюду над предприятиями развевались красные флаги. На ремонтном заводе аэропорта Орли-Нор ежедневно проходили совещания межпрофсоюзного забастовочного комитета, а всеобщие митинги каждое утро собирали вместе 3500 рабочих. Соблюдалась строжайшая дисциплина, необходимость которой все понимали, а за оборудованием смотрели даже лучше, чем обычно. К 16 мая закрылись порты Марселя и Гавра, в Валансе, на юге Франции, прервал свой маршрут Трансевропейский экспресс. Газеты все еще выходили, но печатники осуществляли частичный контроль над тем, что печатается. Доставка почты находилась под угрозой срыва. Многие общественные службы продолжали функционировать, но только с разрешения бастующих.

«Никогда призыв к всеобщей забастовке не звучал из парижских штабов профсоюзных федераций, но спокойная, неодолимая волна мощи рабочего

класса прокатилась по всей стране, накрыв командные высоты французской экономики. На тысячах предприятий рабочие не только остановили работу, но и закрыли ворота, превратив замолчавшие фабрики в крепости» (*«Французская революция, 1968 г.»*).

Вся Франция бастовала: инженеры и работники транспорта, работники университетов и булочных, текстильных комбинатов и похоронных бюро. Остановились баржи на Сене и даже биржи труда, о чем возвещали развивавшиеся красные флаги. Победоносный круг расширялся ежедневно и ежечасно; захватывая все слои населения — от нижайших до самых что ни на есть аристократических.

Развернувшееся движение по своему характеру имеет поразительное сходство с событиями 1936 г., когда во время избирательной кампании повсюду устраивались сидячие забастовки в знак поддержки правительства Народного фронта. Вот что писал об этом периоде Троцкий в своей работе *«Куда идет Франция»*:

«Движение принимает характер эпидемии. «Инфекция» поражает завод за заводом, профессию за профессией, район за районом. Кажется, будто рабочий класс всеми своими отрядами устраивает грандиозную переключку. Первыми начинают металлурги — передовой отряд пролетариата. Но сила движения заключается как раз-таки в том, что за авангардом следуют тяжелые резервы рабочего класса, включая самые отсталые профессии, арьергардные формирования, о которых господа парламентарии и профсоюзные лидеры вспоминают разве что по большему празднику». (Здесь и далее цитаты из работ Троцкого и Ленина даются в обратном переводе с английского — прим. переводчика).

Руководители коммунистической партии и ВКТ спохватились и признали, что происходит нечто серьезное. Ранним воскресным утром 11 мая увидели свет 300000 экземпляров специального выпуска их газеты *«Юманите»*, а гигантская демонстрация 13 мая даже их заставила обнаружить наконец «огромную жажду перемен». Теперь они пытались навязать заводам свои забастовочные комитеты. Для того, чтобы направить движение в иное русло, им, как единодушно признают все комментаторы событий, требовалось оттеснить новые радикализированные элементы, прежде всего из числа молодежи, проявлявшие необыкновенно творческий и деятельный подход к борьбе.

В выпуске *«Юманите»* от 17 мая коммунисты не постеснялись обратиться к бастующим со словами: «ВКТ приветствует рабочих, последовавших нашему призыву захватить заводы!» Какой призыв? Ни к чему подобному профсоюзные лидеры не призывали! Затем они стали предупреждать рабочих, чтобы те не присоединялись к запланированной студенческой демонстрации у здания государственной телерадиокомпании и ни в коем случае не участвовали в

походе студентов к заводу «Рено» в Бийанкуре. Их обычная политика «разделяй и властвуй!» предписывала им необходимость делать рабочим прививки от «инфекции» революционных идей. «Цель студентов — проникнуть на завод и разбить станки», — говорили они рабочим «Рено» в отчаянной попытке посеять среди них враждебность к студентам.

Если принять во внимание тот факт, что большая часть рабочих бийанкурского отделения «Рено» состояла в ВКТ, их первоначальный отказ от предложений студентов вовсе не удивляет. Не помогла в данном случае и листовка, выпущенная так называемыми троцкистами из РКМ. И далее коммунистическая партия неоднократно пыталась посеять вражду между рабочими и студентами.

Один из рисунков газеты «*Канар Аншене*» изображал студентов почти в слезах после двух бессонных и голодных суток, безуспешно проведенных у стен гиганта «Рено»: «Мы пришли поддержать вас в борьбе!» — «Браво!... Спасибо!» Поднятые кулаки, общее пение «*Интернационала*», но ворота оставались плотно закрытыми. Тогда где-то 1500-2000 студентов применили «черихонскую тактику» — стали ходить кругами вокруг завода, но и это не помогло. Тогда студенты снова стали завязывать разговоры с рабочими, сидевшими на заводской стене и стоявшими за воротами. Самые молодые рабочие в конце концов откликнулись на попытки студентов завязать дискуссию. На вопрос «чем занимаетесь, ребята?», они ответили: «Ведем диалог!» Слово «монолог» в то время воспринималось людьми как девиз деголлевского бонапартизма. «Диалог» теперь практиковался повсюду, в том числе и среди рабочих. Рабочие-иммигранты, например, рассказывали, что только теперь смогли по-настоящему познакомиться со своими товарищами по работе.

«Тысячу франков — не меньше; 40 часов — не больше!», «Да здравствуют рабочие!», «Даешь гарантию занятости!», «Правительство левых!» — гласили плакаты бийанкурских и клеонских рабочих.

«ВЕЛИКАЯ СПОКОЙНАЯ СИЛА»

Складывавшаяся в стране ситуация все более неотложно требовала от партийных и профсоюзных лидеров рабочего класса предложить какое-то политическое решение. Генеральный секретарь ВКТ Жорж Сеги говорил рабочим «Рено»: «Любой призыв к восстанию может изменить характер вашей забастовки», — вот уж где действительно стоит призадуматься! Слова этого высокопостав-

ленного коммунистического чиновника были направлены на то, чтобы припугнуть рабочих. Однако они лишь подстегнули стремление к политическому, революционному решению кризиса.

Премьер-министр Помпиду в своем выступлении по телевидению высказался приблизительно в том же духе, что и лидеры коммунистической партии: студентам не стоит слушаться агитаторов, а гражданам поддаваться анархии. Но на заводах не было анархий, там царили спокойствие и порядок.

Помпиду остался в одиночестве. «Де Голль в Румынии возглавил «правительство в изгнании», — шутили парижане. Представитель профсоюза полицейских уже заявил, что ему трудно будет предотвратить забастовку штурмовой полиции ЦРС. А Жорж Сеги продолжал выливать ушаты холодной воды на движение, надеясь «отрезвить» его участников, как, впрочем, часто поступают многие нынешние руководители профсоюзов. «ВКТ, — заявил Сеги, — должен показать себя «великой спокойной силой!» В самый разгар революционной бури, когда, говоря бессмертными словами Маркса о героях Парижской Коммуны 1871 года, рабочие «штурмовали небо», их политические лидеры распевали колыбельные».

«ГОСПОДА ДЕМОКРАТЫ» И «КОММУНИСТЫ»

Маркс и Энгельс в свое время много писали о революционных переворотах во Франции. Они указывали, в частности, на тот факт, что в целом ряде случаев «господа демократы», оказавшись во главе революционного движения, крали у народа завоеванные им в тяжелой борьбе победы и открывали дорогу реакции, которая обходится малой или большой кровью. Со славной Парижской Коммуной покончили, убив не менее 45-ти тысяч парижан, еще десятки тысяч умерли в тюрьмах и ссылке.

Отмечаемый ежегодно 28 мая День памяти мучеников Парижской коммуны совпал в 1968 г. с кульминационным моментом новой революционной ситуации во Франции. Лидеры рабочего движения в очередной раз приготовились отнять у героического французского народа его завоевания. Чем это объясняется? Ответ можно найти в истории коммунистической партии Франции.

В 1920 г. на съезде социалистической партии в Туре мнения резко разделились по вопросу «Реформа или революция?», и четыре пятых всех делегатов объявили о своем присоединении к III (коммунистическому) Интернационалу. Оформившаяся таким образом коммунистическая партия является с тех пор основной

политической организацией рабочего класса во Франции. С упрочением сталинизма в России коммунистическая партия Франции стала добросовестной исполнительницей всех предписаний Кремля, которые, главным образом, были направлены на закрепление привилегированного положения советской бюрократии и на то, чтобы воспрепятствовать победе какого-либо революционного движения, которое могло бы свергнуть капитализм во Франции. Подобный переворот мог бы привести к коренному преобразованию французского общества и созданию истинно демократического — в противоположность бюрократическому — рабочего государства, что само по себе являлось угрозой существованию бюрократии в Советском Союзе.

Таким образом, коммунистическая партия развивалась как вторая партия реформистов во Франции, как частью сталинистская, частью буржуазная агентура. Со времен ее образования ей неоднократно представлялась бесценная возможность взять власть в свои руки и организовать общество на социалистических принципах. Но каждый раз лидеры коммунистической партии намеренно не использовали эту возможность.

В мае 1968 года судьба благоприятствовала французскому рабочему классу, — на этот раз у него было в тысячу раз больше шансов, чем у коммунаров 1871 г. Людьюми овладело волнующее чувство, — победа возможна. Всеобщему приподнятому настроению поддался и генеральный секретарь коммунистической партии Эмиль Вальдек-Роше. Привыкший к положению лидера всего лишь одной из оппозиционных партий и к обычному бюрократическому подходу к политике, он вдруг оказался лицом к лицу с необходимостью ответить на непреодолимое давление снизу истинно революционными идеями, в большей степени соответствующими революционной программе, на которой его партия была основана. Перечеркивая одним махом все свои привычные позиции, Роше публикует специальное заявление, в котором выдвигает правильный план продвижения вперед:

«Чтобы осуществить чаяния рабочих, учителей, студентов... Французская коммунистическая партия предлагает... осуществить национализацию не только ведущих банков, но и крупнейших промышленных монополий, господствующих в ключевых секторах экономики... Начать с расширения полномочий заводских комитетов и обеспечения свободы профсоюзной деятельности на предприятиях... необходимо покончить с властью монополий и деголлевским режимом».

Вслед за этим заявлением выйдут и другие документы Французской компартии, не в меньшей степени изобилующие ссылками на необходимость «социализма», но в них вы уже не

встретите той конкретной постановки вопроса, которой отличалась вышеупомянутая декларация. Обычно «социализм» преподносился коммунистами как ступень, следующая за установлением «демократии». Сталинистские лидеры коммунистической партии и ВКТ продолжали отрицать политический характер движения и само наличие революционной ситуации в стране, что вполне перекликалось с действиями их предшественников в 30-х гг.

Морис Торез.

Майское движение 1968 года, по оценке коммунистов, являлось борьбой исключительно за повышение заработной платы и улучшение условий. Но ведь политика — лишь концентрированная экономика. Сама по себе экономическая борьба не принесет полного успеха на сколь-либо продолжительный период, если она не

сопряжена с социалистическим преобразованием общества. Капитализм, руководимый в первую очередь жадной наживы, не может себе позволить удовлетворить экономические требования трудящихся. Истинно революционная партия укрепила бы дух бастующих и связала бы их борьбу за непосредственные требования с борьбой за преобразование общества.

В рядах коммунистической партии Франции, — если не *самой*, то одной из самых жестких сталинистских партий Западной Европы, — обнаружились серьезные разногласия. К концу первой недели мая был исключен из партии за «антипартийную деятельность» Жан-Пьер Вижье, один из руководителей кампании солидарности с Вьетнамом. А спустя две недели ушел в отставку и покинул ряды партии Андрэ Баржоне, главный консультант ВКТ по экономическим вопросам. Он считал, что революция была возможна, но партия не предприняла ничего, что могло бы способствовать ее осуществлению. Напротив, она изо всех сил тормозила революционное движение и даже пыталась его саботировать. Все внимание реформистского руководства компартии занимала главная забота — как погасить забастовку. Точно такую же проблему решал в 30-е годы Морис Торез. В то время он выразил эту дилемму словами: «Мы не призывали к этой забастовке». Спустя тридцать два года Жорж Сеги заявляет: «Мы их не призывали — не нам их и отзывать».

ВЛАСТЬ НА КАЧАЮЩИХСЯ ВЕСАХ

Лидеры всех партий обнаружили полное бессилие перед лицом бушующей стихии. Что же касается руководителей рабочих организаций, то, по сравнению с лидерами буржуазных партий, их и вовсе сковал паралич воли — где явный, а где замаскированный радикальным словоблудием.

Коммунистические и социалистические лидеры рассматривали себя всего лишь как резонатор, откликающийся эхом на возмущение масс, и никогда не думали, что их призовут способствовать приходу нового общества. Они никогда не предполагали оказаться «у руля». *«Уолл стрит джорнэл»* писал по этому поводу:

«Национальная Ассамблея оглашается до странности неуместными речами. Лидер оппозиции Франсуа Миттеран вместе с руководителем коммунистической партии Вальдеком-Роше не уступают в своей безнадежной оторванности от происходящего премьеру Жоржу Помпиду. Все они принадлежат истеблишменту, которому внушает глубокий страх волна активности народных масс.»

В ночь на 19 мая бесшумно, подобно призраку, возвратился из Румынии де Голль. Спустя 20 лет префект парижской полиции Гримо в своем интервью газете «Санди Таймс» вспоминал события той ночи. Сразу же после возвращения президента Гримо и премьер-министр Помпиду были вызваны к нему и получили распоряжение немедленно приступить к захвату Одеона, а на следующее утро взять Сорбону. Гримо возразил против такого плана. Он считал, что атаковать эти объекты в самый разгар страстей было бы большой ошибкой, которая непременно привела бы к кровопролитию. Тогда шефу полиции удалось отговорить президента от нсобдуманных действий. С того времени де Голль стал бессильным узником Елисейского дворца.

Франция была почти парализована. Захвачены фермы и сельскохозяйственные склады. К забастовке присоединились служащие банков и налоговых инспекций. Кинематографисты остановили работу фестиваля в Каннах. Не проводились скачки, автогонки и даже чемпионат по гольфу. Радио- и телеинформация частично контролировались самими журналистами.

КОМИТЕТЫ ДЕЙСТВИЯ

Многие сотни комитетов действия самых разных предприятий, учреждений, университетов, кварталов почувствовали необходимость сотрудничества и потянулись друг к другу. Например, в департа-

менте Луар Атлантик, где была продемонстрирована, пожалуй, самая передовая форма рабочей демократия 1968 г., — рабочие, крестьяне и студенты все свои решения принимали сообща.

В центре департамента — Нанте, Центральный забастовочный комитет взял на себя осуществление контроля за движением транспорта на въезде и выезде из города. Дорожные блокпосты, сооруженные для этой цели транспортными рабочими, действовали с помощью школьников. Машины, доставлявшие забастовщикам продовольствие из ближайших фермерских хозяйств, снабжались талонами на бензин и специальными пропусками. Это желание людей установить свой порядок было настолько непреодолимо, что городским властям и полиции пришлось закрыть глаза на подобные нововведения и покорно отступить.

В пользу бастующих был организован футбольный матч. Страну взволновало известие об исходе очередного столкновения полиции с рабочими на одном из заводов: ничем не спровоцированная атака полиции, грозящая неминуемыми жертвами, неожиданно закончилась... братанием.

Работницы заводов и фабрик взяли под контроль снабжение местных магазинов продовольствием и организацию розничных торговых точек в школах. Рабочие и студенты организовали выезд на фермы с целью помочь крестьянам сажать картофель.

«Изгнав из сферы сбыта посредников (комиссионеров), революционные власти получили желанную возможность снизить розничные цены: литр молока и килограмм моркови стоили теперь 50 сантимов вместо 80-ти, а килограмм картофеля — 12 вместо 70-ти. Крупные продовольственные магазины закрыли. Разрешение торговать получили только некоторые мелкие лавки с тем условием, что каждое утро профсоюзные представители будут проверять их цены.

Чтобы поддержать нуждающиеся семьи, профсоюзы распределили среди них продовольственные купоны: однофранковый купон на молоко для детей до 3-х лет, для детей после 3-х лет купоны на 500 г хлеба и на один франк других видов продовольствия. Учителя организовывали детские сады и ясли для детей бастующих. Рабочие и крестьяне, забыв о вечных распрях, принялись действовать сообща. Энергетики, например, взялись обеспечить бесперебойное снабжение молочных ферм электроэнергией. Обеспечили регулярную доставку кормов и горючего в крестьянские хозяйства. Крестьяне в свою очередь приехали в Нант, чтобы шагать по улицам города плечом к плечу с рабочими и студентами.

32 года назад, в 1936 году в Нанте проходила 50-тысячная демонстрация крестьян, работавших, в основном, в крупных поместьях, против правительства Народного фронта. «В конце XVIII в. здесь была страна шуанов — район великих восстаний монархически настроенных крестьян (против революционного якобинского режима). Но времена изменились. Королевская площадь переименована в Народную.» (*"Революция во Франции, 1968"*).

Таким образом, действуя языком реальных улучшений для трудового народа, была продемонстрирована малая часть того, что было бы возможным в социалистическом обществе. А через 20 лет той же дорогой практических завоеваний пошли ливерпульские рабочие — горсовет из лейбористов-социалистов организовал строительство жилья и создание новых рабочих мест, и это прозвучало убедительней любой самой красноречивой политической речи.

Подобный опыт рабочих в области социальных преобразований с точки зрения истории означает неизмеримо больше, чем авангардные эксперименты в университетах. Тем не менее, налицо было и плодотворное содружество рабочих и студентов. Знаменитый Национальный колледж изобразительных искусств выпускал в день 10000 плакатов по 350-ти образцам. Многочисленные листовки сослужили хорошую службу в деле сплочения рядов бастующих.

Листовка забастовщиков компаний «Эр Франс» провозглашала: «Мы против унижительной «модернизации», которая означает для нас непрерывный контроль, губительные для нашего здоровья условия труда и оскорбление нашего человеческого достоинства». Рабочие из Рон-Пуленка заявили: «Пример студентов показывает нам, что только сообща мы можем заставить власти отступить.» В листовке для рабочих компании «Рено» в Бийанкуре говорилось:

«Правительство боится расширения движения. Его пугает крепнувший союз рабочих и студентов. Помпиду заявил, что «правительство защитит республику». Армия и полиция готовятся. 24-го выступит с речью де Голль. Возможно, пошлет полицию против бастующих на заводы? Будьте готовы! В цехах и университетских аудиториях думайте, прежде всего, о самообороне».

Вместе со студентами забастовщики обсуждали отклик рабочих на эти листовки. Рабочие, в первую очередь молодые, высоко ценили мужество студентов, смелость их революционных идей, но, в то же время, они не имели прошлого опыта подобного тесного сотрудничества с учащейся молодежью и поэтому, вполне закономерно, не могли с полной уверенностью положиться на студентов — кто бы дал гарантию, что их бунтарские настроения не являются временными? Но рабочие задавались вопросом и о том, что же предпринимает традиционная рабочая партия — ФКП, в то время, как забастовочная волна быстро набирает ход?

А эта партия планировала молодежный фестиваль танцев, включающий массовый митинг. Но партийные бюрократы в последний момент отменили фестиваль. Это произошло в тот самый день, когда 40000 рабочих «Ситроена» вышли на улицы. Как объяснили ответственные лица, фестиваль был отменен, «из-за

боязни проникновения туда «бешеных». А ведь это мероприятие могло бы превратиться в большой смотр молодежных, ударных отрядов революционной армии.

Повсюду на заводах люди задавались вопросом, не упускает ли партия единственный в жизни шанс. Парижский корреспондент газеты «Экономист» отмечал: «Проводя такую осторожную, умеренную, глубоко-благоразумную политику, компартия тем самым ставит себя в весьма щекотливое положение. *Ведь это все равно, что пытаться сбыть черствый хлеб, когда в продаже имеется свежий пирог.*» (Подч. автором).

В ЧЕМ ПОЛЬЗА РЕВОЛЮЦИИ

Франция переживала момент наивысшей политизации общества. Люди думали о политике, говорили о политике — жили политикой. Когда по стране стали разъезжать с выступлениями известные деятели радио и телевидения (забастовка лишила их возможности общаться с широкой аудиторией через средства массовой информации), люди охотно посещали эти мероприятия, но не столько посмотреть на звезд, сколько ради бурных дискуссий, вспыхивающих в многолюдных залах сразу после этих выступлений. И это не удивительно — ведь люди в первую очередь нуждались не в монологе, а в диалоге.

«Эпидемия» захватывала все новые — и часто неожиданные — слои. Во время всеобщей забастовки в 1936 г., продавщицы универмагов отказались от обязательного в рабочее время макияжа, заявив о том, что они «работницы, а не актрисы». В 1968 г. актрисы Фоли Бержер тоже объявили себя работницами. Они потребовали повышения платы до 6 франков в час, улучшения санитарных условий и права заключения коллективных договоров. «Если мы работаем в стриптизе, это не значит, что мы глупее других», — заявили они. Они устраивали шахматные турниры, читали книги, пели песни и проводили дискуссии.

Так же, как в 1936 г., универмаг при знаменитой Галерее Лафайета был закрыт и занят бастующими. Прекратили работу таксисты и похоронные бюро. Пришлось отложить розыгрыш государственной лотереи, а также чемпионат по теннису. Забастовали футболисты, они заняли штаб футбольной федерации под лозунгом «Футбол для футболистов!» Инженеры оккупировали штаб французских предпринимателей. К забастовке присоединились

государственные служащие, атомщики, метеорологи, библиотекари... список бесконечен! Хватило и всяких курьезных случаев.

...Один иностранный гость безуспешно метался от гостиницы к гостинице в поисках ночлега. Доведенный до отчаяния он позвонил в резиденцию премьер-министра, но так ничего и не добился. Это был король Иордании Хусейн. Революция не смотрит на чины и звания. Во время своего визита в Румынию де Голль собирался дать банкет во французском посольстве в честь Чаушеску. В Париже специально для этой цели подготовили посылку с провизией — изысканными винами, печеночными паштетами и прочими деликатесами. Но воздушные трассы не действовали — авиаработники объявили забастовку, и срочный груз весом 205 кг так и не покинул Париж. Так что его превосходительству пришлось довольствоваться местными дарами.

В другой раз де Голлю нужно было связаться по телефону с командующим французскими войсками в Германии. Связи не было — оператор бастовал. «Но ведь связь для генерала де Голля!» — заявили ему. «А мне какая разница? Я бастую для всех без исключения!»

Бастующий персонал занял отель «Плаза» и вызвал на встречу держателей акций отеля. Работники предъявили хозяевам ультиматум: не продавать гостиницу британскому миллионеру Чарлзу Форту. Выступили и торговые моряки... «Даже корабельные начальники присоединились к забастовке своих команд, занявших корабли», — сообщала «Таймс» 23 мая.

Заняты крупные поместья и сельхозхозяйственные склады. Национальная организация молодых фермеров призывает к всеобщей забастовке в сельском хозяйстве, к установлению «истинной экономической и социальной демократии». На юге Франции работа рынков контролируется профсоюзами. Лишь немногие на юге говорят о партийных программах, о новых ставках заработной платы. Люди хотят *качественных*, а не *количественных* изменений в своей жизни.

Крупные заводы — крепости революции — были охвачены праздничной атмосферой, повсюду царил оживление. Страх предыдущих десяти лет бесследно испарился. Рабочие автозавода Берлье переставили буквы в вывеске таким образом, что вместо «Berliet» получилось «Liberte» — «Свобода». На заводах появились новые плакаты: «Даешь бессрочную забастовку!», «Мы — сила!»

Молодой рабочий авиазавода СНЕКМА сказал: «Мы принадлежим себе, распоряжаемся собой... теперь мы понимаем, что значит жить при социализме!» А вот какое пожелание выразил от имени

товарищей рабочий завода «Рено»: «Мы хотим, чтобы все развивалось снизу вверх, а не сверху вниз, как у нас всегда было».

Один из читателей английской газеты «Милитант» описывал в ней свои впечатления от поездки по Франции. В первую очередь его поразила общая атмосфера — повсюду люди завязывали знакомства, вели оживленные разговоры:

«Везде обсуждали политику. Когда мы беседовали с рабочими около завода «Ситроен», мимо проезжал автобус с заводскими работниками. Он замедлил ход, и женщины запели *«Интернационал»*. Они пели с большим чувством, подняв в знак солидарности сжатые кулаки. Рабочие встретили их порыв аплодисментами.»

У ворот завода «Рено» можно было увидеть школьников, что-то серьезно обсуждающих с забастовщиками.

В те дни, когда к бастующим присоединялись их семьи, заводы превращались в шумные «ярмарки», как заметили журналисты из «Обзервер»: «Нынешний этап событий воспринимается рабочими как заманчиво затянувшийся выходной». Почему бы и нет?

В своей *«Истории русской революции»* Троцкий приводит слова промышленного магната В.Ауэрбаха, вспоминавшего с недовольством поведение домашней прислуги во время волнений:

«Революция для низов — нечто вроде празднования масленицы. Слуги исчезали на целые дни: они разгуливали нарядившись в красные ленты, катались в автомобилях. Возвращались домой только под утро, да и то ненадолго — наспех прибирали и мыли посуду и снова отправлялись развлекаться».

СРЕДНИЙ КЛАСС НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Когда рабочий класс поднимает свои миллионные ряды, становится ясно, кто обладает в обществе настоящей и несокрушимой силой, тогда приходят в движение широчайшие слои. Самые разнообразные социальные группы на всех уровнях общественного здания начинают активно высказывать свои нужды и чаяния. Если владельцы автозаправок, объявившие в мае забастовку, думали, видимо, лишь о дополнительной прибыли и не более, то бойскауты осмелились объявить о своем желании самим управлять своей организацией. Молодые католики пришли со знаменем в храм святого Северина в студенческом квартале, чтобы заявить о своем намерении «заново придумать церковь». Молодые евреи, собравшиеся в еврейской консистории, единодушно осудили устаревший и консервативный характер структуры своих религиозных учреждений. После посещения Латинского квартала во время уличных боев архиепископ Парижа написал в своем епархиальном письме:

«Господь стоит за справедливость, он не консервативен. Христиане также не должны мириться с обществом, которое игнорирует первейшие нужды человеческие». Это похоже на теологию освобождения третьего мира последующих лет. Более того, в данном случае она звучала с верхней ступени церковной иерархии развитой капиталистической страны.

Путешествующая на велосипеде по Северной Франции, корреспондентка газеты *«Ивнинг Стэндард»* писала об услышанном разговоре трех деревенских парней, оказавшихся по соседству с ней в одном из сельских кабачков. Они шумно обсуждали причины забастовки, размеры налогов, рост цен на бензин, жаловались на дороговизну жизни:

«Кому же польза?.. Не трудягам, а банкирам, да капиталистам, среднему классу... Раскатывают по границам. Он (де Голль) поехал в Румынию, чтобы там побеседовать со студентами о свободе, — а как насчет нашей свободы? У нас потребительское общество — «Покупайте! Покупайте! Покупайте!»... А чем расплачиваться крестьянину? Навозом?..»

Вынужденные выступить в защиту своих требований, профсоюзы фермеров разворачивают кампанию. Все новые склады и поместья переходят в руки бастующих. Следует отметить, что связь между городом и деревней существовала и довольно тесная: достаточно вспомнить, что каждый год 100000 крестьян уходили в города, где становились рабочими.

В отличие от движения 30-х гг., забастовка 1968 г. родилась среди интеллигентов и распространилась на рабочих всех отраслей. Кроме того, движение французского пролетариата 1968 г. отличалось большим размахом и мощью. Все это не могло не отразиться на настроении средних классов, и они неминуемо оказались вовлеченными в революционное движение. Весомость движения рабочего класса давала им уверенность в борьбе со старым порядком и перспективу установления новой формы общества. Все нерушимые заповеди привычного уклада жизни оказались под сомнением.

Юристы организовали свою забастовку. Их, как и всех государственных служащих, волновал вопрос о своей роли, если таковая найдется, в будущем, возможно, социалистическом обществе. Астрономы медонской обсерватории в результате тщательного анализа структуры своих исследовательских центров нашли их неудовлетворительными; 200 хранителей музеев съехались со всей Франции, чтобы обсудить вопрос о роли музеев в обществе, а их подчиненные, увлеченные всеобщим порывом обновления страны, принялись за критический пересмотр старомодного, неэффективного, чересчур централизованного управления музеями.

Архитекторы, городские планировщики, статистики поверили в скорое осуществление своей сокровенной мечты — в то, что их таланты и способности будут служить всему обществу, а не богатому меньшинству. Больницы переходили на самоуправление, в них избирались и действовали комитеты врачей, пациентов, практикантов, медсестер и санитаров. Интересно то, что до этого времени медики всегда отличались реакционными взглядами. А теперь они вели горячие споры о том, как поскорее разделаться с устаревшими иерархическими традициями царившими в больницах и медицинских учебных заведениях, вдохновенно обсуждали предназначение здравоохранительной системы будущего. Десять тысяч сотрудников научно-исследовательского центра атомной физики в Саклэ объявили забастовку и выдвинули на обсуждение не только профсоюзные требования, но и вопросы о власти и управлении.

КУЛЬТУРА

Подобно тому, как оросивший пустыню ливень вызывает бурный рост и цветение экзотических растений, революция готовит расцвет самых причудливых и заманчиво-прекрасных идей в области изобразительного искусства, музыки и литературы. Становятся видны контуры того, как может расцвести культура, если будут разбиты оковы, подчиняющие все капиталистической наживе.

Группа литераторов, заручившись поддержкой еще 50-ти писателей, захватила штаб-квартиру Общества писателей. Общее собрание новорожденного профсоюза писателей поставило на обсуждение вопрос о «статусе писателя в социалистическом обществе». Французские кинематографисты в количестве 1300 человек регулярно проводили заседания своих «Генеральных Штабов», во время которых выработали целую программу обновления кинопромышленности — крайне утопичный на тот момент документ, идущий вразрез со всеми экономическими особенностями кинопроизводства в условиях капитализма. Однако же, изложенные в нем принципы являлись вполне реальными с точки зрения плановой социалистической экономики.

Директора провинциальных театров и домов культуры заседали целую неделю в самый разгар кризиса! Художники спешили наполнить свои работы «социальным содержанием» и выставляли их в огромных «галереях» автомобильных и авиационных заводов. Актеры выезжали со спектаклями на бастующие заводы. Замолчали ведущие французские оркестры: музыканты, композиторы, аранжи-

ровщики объявили забастовку. Оперные певцы выдвинули требование: контролировать свой репертуар. В середине мая взяла старт марафонская дискуссия о программе реформ преподавания и изобразительского искусства, продолжавшаяся еще и в июне. Этой программе предназначалось внести коренные изменения в систему образования в области искусства, которая в то время была разбита на строго изолированные, «водонепроницаемые» отсеки.

Неисчислимы мириады элементов, вовлеченных в молекулярные процессы революции. Атмосфера в школах и университетах, где, как известно, все и началось, не только не остывала, а, наоборот, продолжала накаляться. 10 мая шеститысячный контингент восемнадцати парижских лицеев влился в ряды огромной демонстрации, закончившейся баррикадами. Практический опыт демонстрации за три часа привел к результату, которого студенческие агитаторы не могли добиться и за год работы.

Революционное движение в системе образования отмечалось еще до описываемых событий. Например, в феврале учащиеся 600 школ собрались, чтобы обсудить роль и задачи своей рождающейся организации. Но акции протеста поддерживали всего несколько школ, теперь же оно приобрело всеобъемлющий характер. Комитеты учащихся в результате серьезных обсуждений с родителями, учителями и рабочими выдвинули около 300 докладов по школьной реформе.

Да и в системе высшего образования не все было гладко поначалу — пришлось завоевывать университетские оплоты консерватизма: медицинский факультет, городок иностранных студентов, институт политических исследований, известный своей благодушной всеудовлетворенностью, а также богословские колледжи. Некоторые из них были привлечены через политические дебаты, другие заразились всеобщим революционным настроением, а кто и попробовал полицейского «сапога» прежде, чем изменить свою позицию. Например, один из «карабинов» (так называют во Франции студентов-медиков), имевших устойчивую репутацию «политических свнухов», следующим образом описывал историю революционного «рождения» своего товарища:

«Он шел по бульвару Сен-Мишель к своей машине, когда вдруг на его пути возникла группа полицейских из ЦРС. Они набросились на него с ругательствами и избили. Спустя пару дней, услышав по радио, что столкновения с демонстрантами возобновились, он, не задумываясь, сел в машину, и помчался на место происшествия, не забыв прихватить отвертку для извлечения камней из мостовой. Я встретил его на следующее утро и не узнал — это был активный бунтарь».

Особым бунтарством отличились студенты богословских факультетов. Они заявили, что баррикады научили их по-другому смотреть на церковь, а именно, как на «отчужденное, самовоспроизводящееся общество». Университетские священники создали грандиозное совещание. Одним из многочисленных выступавших был юный семинарист, которому пришлось нарушить правила своего религиозного ордена, чтобы явиться в Париж на это мероприятие. Он обратился к собравшимся со следующими словами: «Я почувствовал, что мое место здесь, что сегодня гораздо важнее присутствовать на этом форуме и высказать свое мнение, нежели сравнивать книгу бытия с Псалмом 104-м, чем я занимался всю прошедшую неделю.»

А один профессор, бродивший с отрешенным видом по улицам Латинского квартала, ответил на вопрос о своей «беде» так: «Не знаю, что со мной произошло, но вдруг тема моей последней научной работы «Устные анекдоты в Средневековье» стала казаться мне нелепой».

Все эти схоласты, вышедшие из монастырской атмосферы университетов и богословских колледжей привыкли обсуждать вопрос о том, «сколько ангелов может уместиться на кончике иглы». Теперь же перед ними предстали реальные проблемы, волнующие реального человека и дающие гораздо больше пищи для размышления.

Пьянящий воздух революции кружил головы студентам в университетах. Не обошлось и без эксцессов. Например, от группы лиц поступило предложение сжечь парижскую фондовую биржу и тем самым «вырвать сердце капитализма». Другие были увлечены подобно одному из лидеров ИКП, который, наслаждаясь видом пламени, пожиравшего его машину на баррикаде, восклицал, как красива революция. Но они не были типичные.

Ну, а в целом, то был незабываемый для всех опыт, когда жесткие рамки жизни в капиталистическом обществе, казалось, навеки разорваны, когда людьми овладел общий дух осуждения капиталистических порядков, царивших в обществе. Люди почувствовали запах революции: она пахла сладко.

«Эпидемия» не ограничилась пределами Франции. Зараженными оказались студенты и других стран мира, не исключая и Британии: студенты художественного колледжа в Хорнси, Суссекского, Оксфордского и Кентерберийского университетов выступили с акциями протеста. Эссекские студенты, возвращаясь из Франции в Англию на пароме, заявили, что они освободили Ла-Манш, и что «Париж идет» в Англию.

Студенты лондонской Школы Экономики еще до французских событий решили не покидать свой институт, проводить ночи в его здании. Они посетили лондонских докеров с целью организовать акцию солидарности с французскими рабочими. Правда, здесь студенты получили от ворот поворот в традиционном духе кокни. Однако жены тех же докеров приняли активное участие в выступлениях против резкого повышения квартирной платы. Скандируя лозунги, они промаршировали от жилых районов Ист-Энда до Каунти-Холл, где находился лондонский городской совет. Рассказывают, что когда на пути этой демонстрации повстречались разносчики газеты «Милитант» со свежими номерами, на которых пестрел крупный заголовок передовицы «Французская революция началась», женщины немедленно отреагировали: «Вот что нам нужно!»

Без сомнения, движение во Франции захватило воображение миллионов рабочих и студентов остальной Европы. Общеизвестно, что массовое забастовочное движение в Италии явилось прямым результатом примера, поданного французским рабочим классом. 14 ноября 1968 г. бастовали 12,5 млн. человек, а к 5 февраля 1969 г. эта цифра увеличилась до 20 млн. Ровно через год после событий, развернувшихся во Франции, Аргентина пережила свои «майские дни»: все началось со студенческих выступлений против диктаторского режима. Первые столкновения с войсками переросли во всеобщее забастовочное движение, получившее название «кордобасо».

Но как закончились события во Франции 1968 года? Ведь если бы эта всеобщая забастовка развернулась в полную силу, не только французская, но и европейская революция встала бы на повестку дня.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ РЕВОЛЮЦИИ?

«Весь арсенал конституционного оружия, которое собственноручно выковал де Голль для защиты своего режима, перед лицом такого кризиса остается клочком бумаги. Не поможет даже такое средство, как референдум... Забастовка приобрела исключительно политический характер и нацелена на свержение самого режима. Никакие предложения — даже самые щедрые — не могут быть приняты». (*«Ивнинг Стэндард»*, 29 мая 1968 г.).

На заседании 22 мая парламент едва не провел решение о выражении недоверия правительству, не хватило всего 11 голосов, тем не менее двое членов парламента из числа голлистов сдали свои депутатские мандаты. Толпы людей осаждали телевизионные магазины. Вокруг радиоприемников, как в военное время, собирались целыми семьями, чтобы следить за парламентскими дебатами.

Их результат был встречен со смешанным чувством негодования и облегчения. Следует отметить, что радио- и телетрансляция заседаний передавались только с разрешения работников ОРТФ.

Глава государства Шарль де Голль полностью утратил связь с реальностью, более того, — подвергся всеобщему осмеянию. Мировая пресса писала о нем не иначе как об анахронизме. Де Голль отсутствовал слишком долго, а вернувшись не нашелся, что сказать. Когда же, наконец, 24 мая он обратился к народу с семиминутной речью, его выступление полностью бойкотировалось телевидением и передавалось только по радио. В своем обращении де Голль согласился с тем, что доля участия французского народа в управлении обществом оставляет желать лучшего, но все, что он мог предложить, это референдум по вопросу о формах «участия» простых французов в управлении. Он заявил, что ставит на карту свое будущее, связывая его с результатами референдума. После этого наступило всеобщее разочарование. Голлисты стали требовать отставки де Голля. Конституционный комитет, якобы, даже готовился принять ее! Речь де Голля не удовлетворила никого. Миттеран призывает к всеобщим выборам. Демонстрация рабочих и студентов в этот вечер (24 мая) в очередной раз заканчивается баррикадами.

Политика примирения и уступок не смогла рассеять волну народного протеста, а только укрепила решимость рабочего класса отстаивать свои завоевания. Убедившись в серьезности подобных намерений, власть придерживающие наконец потеряли «терпение» и решили вернуться к своей обычной тактике: был отдан приказ штурмовать баррикады, и наступила вторая в истории майских событий «кровавая пятница», — ночь на 25 мая запомнилась как ночь жесточайшего насилия во многих городах.

В Париже все началось с выступления министра внутренних дел, прозвучавшего в 3 часа утра, в котором он призывал население города дать отпор «уголовным подонкам», возбуждающим беспорядки на улицах. Рабочие и студенты не замедлили отреагировать на это ироническим заявлением: «Все мы — подонки!» В Латинском квартале и за его пределами разгорелись ожесточенные схватки. К рассвету 800 человек были арестованы, 1500 ранены. Два человека погибли: лионский полицейский и парижский студент.

А на фоне развернувшейся трагедии состоялась решающая встреча на улице Гренель. Казалось, что профсоюзные лидеры и члены правительства — единственные, кто хочет, чтобы движение прекратилось. Лидеры профсоюзов жаждали переговоров с правительством и лидерами предпринимателей, — точно так же, как и

в 1936 г., когда в отеле «Матиньон» была проведена аналогичная встреча трех сторон. Рабочие лидеры не постеснялись помчаться на переговоры с правительством, буквально висевшем в воздухе, и держать совет с боссами, запертыми в своих конторах!

Один журналист отмечал: «Они не только не свергли Помпиду, но даже пришли договариваться с ним!» Впрочем, тоже тайно! Миллионы рабочих были прикованы к своим радиоприемникам в ожидании новостей с улицы Гренель. Толпы журналистов окружили здание Министерства социальных вопросов, где проходили переговоры. Особым вниманием фоторепортеров пользовался 73-летний бывший председатель ВКТ Бенуа Фрашон, три десятилетия назад подписавший Матиньонское соглашение.

За день до этого состоялась демонстрация ВКТ, на которой молодые рабочие несли плакаты со словами: «Сеги, не сдавайся!», «Прощай де Голль!», «Власть лежит на улицах!», «Власть — рабочим!».

Два дня и две ночи 49 «мучеников» трудились не покладая рук на переговорах, и, наконец, произвели на свет целый список важных реформ. Профсоюзные лидеры уходили из зала переговоров уставшими, но с улыбками на лицах. Они ждали похвалы и почестей за то, чего добились чужими руками,... за крупнейшие со времен Освобождения завоевания рабочих.

Корреспондент «Санди Таймс», будучи хорошо осведомленным о балансе сил за пределами зала переговоров, отдал должное подобным «уступкам»: «В такой ситуации и непрофессионал мог бы договориться с правительством на самых выгодных условиях!» Революционная угроза, нависшая над самим существованием государственного строя, помогла вырвать у капиталистов реформы, каких невозможно было добиться за долгие годы споров и переговоров. Класс, оказавшийся перед лицом своей гибели, достанет последнее из своих запасов, чтобы умиротворить врага, чтобы выиграть время, а затем, когда буря утихнет, и противник покинет поле сражения, найдет возможность возместить убытки.

Всем рабочим предложили по меньшей мере 7-процентную прибавку с последующим повышением еще на 3%. Установленная законом минимальная заработная плата должна была увеличиться на одну треть, в сельском хозяйстве на 56%, а самое высокое повышение заработной платы, — продавцам — достигало 72 процентов. Бастующим обещали оплатить половину дней простоя.

Жорж Сеги явился на бастион ВКТ — бийанкурский «Рено» с видом победителя, но за считанные минуты был освистан и посрамлен. Очевидцы вспоминают набитый до отказа огромный

заводской ангар. Люди не только решительно отвергли сделку, но и выдвинули требование создать «народное правительство». Для них это могло означать лишь одно — «рабочее правительство». Лидеры коммунистического профсоюза потерпели ту же неудачу на том же самом заводе «Рено», что и их партийные предшественники — защитники Матиньонского соглашения 1936 г. События развивались по той же схеме: завод за заводом категорично отвергали поступившие предложения и «окапывались» в расчете на созревание более подходящей альтернативы.

Профсоюзные лидеры два года добивались переговоров с правительством. Теперь же, под нажимом революции, им это удалось, и более того, — они заполучили уступки, превосходящие все их ожидания. Но рабочих Франции это не могло удовлетворить. Они хотели большего, нежели увеличение заработной платы, улучшение социального обеспечения и переговоры о правах профсоюзов. Желанное преобразование всей их жизни заманчиво светило впереди, и они не могли отказаться без боя от осуществления своей мечты. Момент был уникальный, и неизвестно, когда он сможет повториться вновь.

Итак, французское общество поляризовано до крайней степени. В этот ответственный момент рабочие лидеры преступно проигнорировали свой долг революционного руководства. Правые уже начали организовываться через Комитеты защиты республики и вооружаться. Рабочие лидеры были парализованы. Хотя и до этого и после были благоприятные моменты, когда решительные скоординированные действия могли бы коренным образом изменить обстановку.

ЧЕТЫРЕ УСЛОВИЯ ПОБЕДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Во Франции, вне сомнения, сложилась *классическая* революционная ситуация. Журнал «Экономист» взял за критерий лишь один показатель — удельный вес населения, «убежденного в том, что его условия жизни невыносимы». Рабочие живут в тяжелых условиях годами и даже целыми десятилетиями, не испытывая при этом революционного подъема. Ленин неоднократно отмечал, что революция возможна только при совпадении целого ряда факторов, а успех может ее ждать лишь в случае наличия четырех основных условий.

Во-первых, оказавшись лицом к лицу с глубоким кризисом, правящий класс теряет способность управлять по-старому и начинает раскалываться на различные группировки, каждая из которых предлагает свой выход из кризиса. Во-вторых, средние классы находятся в состоянии брожения. В-третьих, пролетариат ищет выход из кризиса, связанный с коренным переустройством общества, и настроен сражаться самым решительным образом. Наконец, четвертое и решающее условие — это наличие во главе рабочего движения последовательного марксистского руководства со стратегией, тактикой и организацией, необходимыми для достижения победы.

Любой объективный анализ неопровержимо доказывает, что во Франции в мае-июне 1968-го имелись налицо три условия из четырех, перечисленных Лениным. И действительно, еще никогда в истории как Франции, так и любой другой страны, эти три объективные предпосылки революции не проявлялись так отчетливо, как это было в мае-июне 1968 года. Разве что ослепленные реформистской катарактой могли не разглядеть, что происходило на их глазах.

РАСКОЛ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА

Первым элементом французской революции 1968 года являлась растерянность и неуверенность в себе правящего класса. Паника французской буржуазии не замедлила проявиться в резком повышении цен на золото и беспрецедентной утечке капитала. Дороги в Швейцарию были перегружены транспортом, — оттуда регулярно поступали сообщения об очередных пробках!

Маркс отмечал, что вопреки всем внешним признакам, революция начинается сверху. Подземные толчки народного возмущения первым делом дают о себе знать слабостью и расколом наверху. Это, в свою очередь, воодушевляет революционные силы снизу на продвижение вперед. Одно крыло правящих классов жаждет схватиться за «дубинку», чтобы удержать свои порядки. Представители другого склонны к уступкам. Голлистский кабинет совершенно очевидно разделился на «ястребов» и «голубей», решая, как справиться с кризисом по мере его развития. «Левые» голлисты объявили, что они «со студентами» и высказались против использования частей ЦРС. Эти метания от жестоких репрессий к беспрецедентным уступкам и обратно — к насилию, совершенно ясно доказывали полную потерю контроля над ситуацией.

Министры впали в отчаяние. Кристиан Фуше заявил: «Если это разгорится всерьез, мы погибли!» А Жорж Помпиду признался: «Это конец моей политической карьеры». Даже самые проникательные буржуа, — а Помпиду несомненно был одним из них, — оказавшись барахтающимися на гребне революционной борьбы, думали в первую очередь о своих собственных судьбах. Если до кризиса министр финансов Мишель Дебре имел обыкновение ежедневно выступать перед общественностью с двумя сообщениями и давать по три интервью, то с началом событий его голос безнадежно смолк. А спустя некоторое время раздалось следующее оптимистичное заявление, которым Фуше, скорее всего, хотел подбодрить самого себя: «Шесть миллионов бастующих — это не революция!» С тем же успехом можно посвистывать в темноте для поддержания духа.

Заменявший де Голля во время его поездки в Румынию Помпиду проявил себя политиком, более чутким к давлению снизу, «не отягощенным, — как выразился один комментатор, — нелегкой ролью олицетворения Франции». Затем де Голль вернулся к своим обязанностям и стал допускать, с точки зрения Помпиду, промах за промахом, подкрепляя мнение о себе как об уставшем, обанкротившемся политике.

Те же самые голоса, которые теперь обвиняли де Голля в нескончаемых ошибках, в свое время считали его «чудотворцем». Считалось, что он подвел базу под блистательный экономический бум, а также преуспел в умирении могущественного французского пролетариата. Все это приписывалось харизме де Голля плюс мощным средствам защиты, имевшимся в распоряжении бонапартизма.

Диалектический философ Гегель 150 лет назад рассуждал о том, как благоразумие обращается в безумие. Вчерашние методы, которые, казалось, обеспечивали успех, вдруг повернулись своей обратной стороной.

Архитектор сильного государства, де Голль был политически парализован и не в состоянии взять инициативу в свои руки. Его методы не только не стабилизировали обстановку, но и ускорили революцию, которую правительство не могло поставить под контроль. К концу месяца он покинул страну. Его премьер-министр позже писал в своих мемуарах: « На самом деле генерал переживал кризис духа. Полагая, что игра закончена, он решил удалиться. Прибыв в Баден-Баден, он был готов задержаться там надолго».

ЗАВОЕВЫВАЕТСЯ СРЕДНИЙ КЛАСС

Вторым условием успешной революции является брожение в рядах средних классов. Они хотят выхода из круга возникших проблем и смотрят на тот или другой из великих общественных классов — на рабочих или на капиталистов. В мае 1968 года во Франции наблюдались сильные волнения среднего класса, но без обычных колебаний: подавляющее большинство людей из средних слоев связывали свою судьбу с успехом рабочего движения. Это были ИТР, служащие, специалисты, средние эшелоны администрации, крестьяне, студенты. С их стороны последовало не пассивное одобрение, но прямое активное участие. Перед ними открывались новые перспективы. Победоносные выступления забастовщиков питали их силой и уверенностью. Аппетит приходит во время еды, как говорил герой Рабле Гаргантюа. Казалось, ничто не остановит этих людей. Вместе они могли изменить мир!

«Мы не согласны!» — возразят коммунисты. Их излюбленный контраргумент в этом вопросе — миллионная демонстрация мелкобуржуазной реакции. Но она прошла 31 мая, а за две недели до этого на призыв реакционной военизированной организации «Оксидан» («Запад») выступить против забастовщиков откликнулись только 200 человек. К концу месяца контрреволюция успела собрать под свои знамена многие отбросы общества из рядов средних классов. В любом случае, анализ коммунистов сильно проигрывает в понимании обстановки и реального баланса сил журналу «Экономист», который сопоставил голлистскую демонстрацию с предшествующей ей накануне вечером рабочей демонстрацией приблизительно того же масштаба, организованной коммунистиче-

скими профсоюзами. «По числу избирателей эти две демонстрации имеют почти одинаковый вес, но во время социального переворота перевешивают те, кто в состоянии парализовать экономику».

Очевидность третьего условия революции, т.е. готовности рабочего класса стоять до конца, была вне всяких сомнений. В своих работах о классовой борьбе во Франции Энгельс отмечал, что могучий пролетариат этой страны всегда отличался решимостью бороться до последнего.

Накануне забастовки в профсоюзах состояло чуть более 2,5 млн. рабочих. И все же 10 млн. — две трети французского пролетариата — остановили работу, захватили заводы и окунулись в нескончаемые споры о том, как организовать жизнь в будущем. Их аппетит тоже пришел во время еды. «А что если выгнать боссов?» Одним словом, речь уже шла не только об избавлении от де Голля и его репрессивной государственной машины.

Рабочие убедились в громадных возможностях своей многомиллионной армии: все остановилось, не крутилось ни одно колесико, ни один генератор не мог заработать без их на то воли. Они почувствовали, что никакие преграды не смогут их остановить. Говоря словами популярной среди британских рабочих поговорки, «к чему довольствоваться пирогом, если можно захватить булочную?» Какой смысл прилагать такие усилия и получить несколько экономических реформ, в то время как можно заменить старые порядки общества новыми.

Это стихийное движение забило ключом снизу. Громадная однодневная всеобщая забастовка не оправдала надежд ее инициаторов — левых партий и профсоюзных федераций, которые рассчитывали на то, что она сработает как предохранительный клапан. Теперь эти «лидеры» тащились в хвосте движения, все еще надеясь нащупать тормоза. Эти господа коммунисты, как и всегда, изо всех сил старались соблюсти внешние приличия и выглядеть респектабельно. «Обзервер» указывал на следующий парадокс: «Коммунистические профсоюзы и голлистское правительство, вроде бы состоящие в противоборстве, на деле оказываются по одну сторону баррикад».

Но и никакая другая организация с массовым влиянием не обеспечила твердое и последовательное руководство рабочим движением. Профсоюзная конфедерация ФДКТ была ближе к борьбе рабочим и студентов, но и она ограничилась лишь общими декларациями в поддержку «демократии» и «самоуправления» в промышленности.

ОСП, центристская партия во главе с Мишелем Рокаром (он присоединится к крайне правым в созданной впоследствии новой социалистической партии), на словах выступала по-революционно-му. Балансируя между реформой и революцией, эта партия наиболее верно отражала инстинктивные чаяния всех бастующих. Она рассуждала о «рабочей власти» и о ситуации, «как никогда ранее благоприятной для установления социализма». Благодаря такому подходу, эта партия быстро завоевала поддержку рабочих и студентов, но и она оказалась не способной звонко ударить в колокола, призвав массы к действиям, необходимым, чтобы двинуть революцию вперед.

В верхах образовался обширный вакуум. Правительство повисло в воздухе. Все его социальные резервы отвернулись от правящего класса. Но трагически отсутствовало четвертое условие, необходимое по Ленину для успешного совершения революции — массовая партия с марксистской программой и смелым дальновидным руководством, способным повести за собой рабочих и готовым стоять до конца. Одним словом, дело было за такой партией; но ее как раз и не было!

Независимо от того, как рабочие называли это, каждый из них думал о том, как создать социалистическое общество. Единственные, кто мог бы собрать вместе части мозаики в образе конкретной программы действий — лидеры компартии, — проигнорировали свой долг. А затем, верные своим традициям, они обвинили самих рабочих. Редактор печатного органа коммунистической партии «*Юманите*» Рене Андриё в своем заявлении газете «*Морнинг Стар*» 8 июня 1968 года пытался оправдать политику своей партии следующими словами:

«Одного только вовлечения основных сил нации в движение, что сейчас наблюдается, недостаточно. Необходимо также, чтобы люди были проникнуты идеями социалистической революции, а этого нельзя сказать обо всех десяти миллионах бастующих рабочих, а еще меньше о средних слоях, особенно крестьянах».

Эти слова представляют собой выразительный образец доктринерства и бюрократического презрения коммунистических лидеров по отношению к массам, которые отказываются действовать согласно их предписаниям. Ленин давно высмеял схоластиков, которые представляли революцию в виде двух выстроившихся армий, одна из которых выступает «за революцию», а другая «против революции». В России рабочие и крестьяне хотели хлеба, земли и свободы. Они поняли, что могут этого добиться только путем революции. Более того, собственный опыт и теоретическое выражение Лениным

и Троцким их требований привели массы к выводу о том, что только большевики могли обеспечить успешное завершение революции.

Газета французских коммунистов — «рулевой» рабочего движения.

Французские рабочие в своем большинстве желали лучших условий труда, значительного повышения заработной платы, ликвидации трущоб, приличного образования для своих детей, выделения достаточных средств на социальные нужды и т.д. И в то же время инстинктивно понимали, что, если они фундаментально не преобразуют общество, любые краткосрочные уступки, выданные у капиталистов, те не преминут снова отнять, как только изыщут подходящие способы.

Как же все-таки лидеры коммунистической партии определяли «отсутствие» революционного духа у рабочих? В аналогичной

ситуации 1936 года Троцкий резко высмеивал коммунистических лидеров в связи с трусостью, проявленной ими перед лицом грандиозных забастовок:

«У ученых докторов Коммунистического Интернационала есть градусник, который они подкладывают под язык старушке Истории, и таким образом безошибочно определяют революционную температуру. Но они никому не показывают этот градусник. Отсюда заключаем: коминтерновский диагноз грешит против истины, и ситуация является самой что ни на есть революционной — такой революционной, какой она только может быть, *если учесть неревolutionную политику рабочих партий*. Если быть точнее, ситуация является предреволюционной, а чтобы ей должным образом созреть, необходима немедленная и самая энергичная мобилизация масс под лозунгом завоевания власти во имя победы социализма. Это единственный способ превратить предреволюционную ситуацию в революционную». (*«Куда идет Франция?»*)

Эти слова в той или иной степени можно отнести и к коммунистическим лидерам 1968-го. Почему 10 млн. рабочих приняли участие в месячной оккупационной забастовке, во время которой завладели заводами и устранили контроль своих боссов? Почему они не ограничились остановкой работы, демонстрациями и маршами? Для тех, чье зрение не ослаблено реформистским или сталинистским подходом к политике, совершенно очевидно, что французский рабочий класс осознал: только самые крайние меры могут обеспечить удовлетворение его требований.

Задачей истинной революционной партии является выражение этой жажды перемен. Вместо того, чтобы выполнять свою миссию, руководители коммунистической партии действовали как гигантский тормоз движения. Их позиция выглядела ничуть не лучше позиции тех «группок», которые они так любили высмеивать. «Мы знаем, что нужно рабочим, но рабочие не понимают этого,» — таков и их подход. Их действия проникнуты закоренелым цинизмом по отношению к *единственному* классу, способному обеспечить победу социализма.

В том случае, когда рабочие организации возглавляют сталинисты, позицию лидеров тоже во многом определяет страх. Как только движение устремилось бы к социалистической цели, эти заячьи души тут же были бы сметены с пути! Как уже не раз бывало в истории, рабочие оказались в тысячу раз левее своих лидеров и во столько же раз мужественнее. «Смелость, только смелость и еще раз смелость!» — эти слова были лозунгом Дантона и Великой Французской революции. Именно таким должен бы быть и подход лидеров Новой Французской революции. Но вместо этого, они трусливо съежились и хныкали перед врагом, время от времени прикидывая на «расшумевшихся» рабочих.

ПОЛИЦИЯ И ВОЙСКА В НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ

Новая «Октябрьская революция», на более высоком уровне — в индустриальной Франции была более, чем реальной возможностью. И все же ей «не суждено» было свершиться. «Невозможно!», «Не может быть и речи!» — кричали неустрашимые коммунисты в те дни и еще громогласней после всех событий. В оправдание своей позиции они заявляли, что «полиция и армия были слишком сильны».

Какова же была обстановка на самом деле? Передовица в газете «*Ивнинг Стэндарт*» от 23 мая была озаглавлена следующим образом: «Парижская полиция — забастовка?» Представитель полицейских профсоюзов заявил о том, что не исключена возможность отказа полицейских выполнять распоряжения сверху, посылающие на расправу с забастовщиками. Служащие полиции, по его словам, прекрасно понимали мотивы, побуждающие рабочих бастовать и охотно последовали бы их примеру, если бы не закон, запрещающий забастовки полицейских.

В городской и муниципальной полиции насчитывалось 60000 человек, в ЦРС — 14000, а для особых случаев имелась 16-тысячная мобильная жандармерия, контролируемая армией. Уже 13 мая профсоюз, охватывающий 80% служащих полиции, изложил правительству свои претензии. В их числе было недовольство действиями премьер-министра, правительство которого послало полицейские части против студентов, а затем он запоздало признал правоту студентов, и отрекся от действий полиции. «Вовремя надо было устанавливать диалог со студентами!» — заявили полицейские.

Петиция, распространявшаяся среди полицейских, собрала множество подписей. В ней, в частности, говорилось: «Мы больше не желаем выступать в роли шутов!» Отдел полиции, ведущий негласный сбор информации о студенческом движении, намеренно прекратил снабжать правительство сведениями о студенческих лидерах до выполнения своих требований о повышении жалованья. Столь недовольная и деморализованная полиция вряд ли представляла собой надежную опору правительства.

Общее число людей, занятых в полиции и войсках Франции, доходило до 300000. Даже если бы в тот момент их дисциплина и моральный дух были на уровне, они все равно не смогли бы выполнять работу 10-ти млн. рабочих или заставить их работать из-под палки. Более того, армия состояла большей частью из того из них были родственники, участвовавшие в забастовке, поэтому не так-то просто было заставить солдат стать штрейкбрехерами. Когда корреспондент газеты «*Таймс*» спросил у одного из солдат,

стал бы он стрелять в студентов и рабочих, тот ответил: «Никогда! Может их методы немного грубоваты, но я и сам сын рабочего». Только уже позже, когда движение пошло на убыль, стало возможным навести порядок на предприятиях с помощью вооруженной силы.

Корреспондент газеты «Обзервер» Нил Ашерсон вспоминал в марте 1988 г. замечательные традиции французского призывника:

«Я помню, как в то время, когда колониальный Алжир корчился в предсмертных судорогах, и бесчисленные эскадроны смерти заполняли кровью сточные канавы столицы, родилась «Нелегальная Организация Призывников» — НОП. Молодые люди, доведенные до отчаяния происходящим вокруг, заключили этот тайный сговор во имя победы здравого смысла. «Прекратите эту войну, — говорили они, — и дайте Алжиру независимость, иначе мы повернем наше оружие против всех вас!»

В конце мая 1968 г. авианосец «Клемансо» направлялся к тихоокеанскому ядерному полигону. В пути на судне вспыхнул бунт, авианосцу пришлось вернуться в Тулон. После этого события три семьи получили извещения о том, что их сыновья «пропали в море».

Подробное описание происшедшего было напечатано в газете «Аксьон» (*"Действие"*) студенческого профсоюза 14 июня 1968 года. Но власти ликвидировали этот номер. Левая газета «Нувель Обсерватёр» сообщала, что после поступления приказа приготовиться к подавлению забастовки солдаты 5-й армии принялись создавать комитеты, предназначенные возглавить их акции протеста: неподчинение начальству, саботаж движения грузовиков и броневых автомобилей. Газета «Монд» писала, что «министерство обороны по возможности оттягивало использование войск, чреватое таким нежелательным последствием, как открытая конфронтация с бастующими».

Комитетом 153-го мотопехотного полка, размещенного под Страсбургом, была выпущена листовка. В ней излагались требования равных возможностей для всех в области военного образования, поставленного надлежащим образом воспитания половой культуры у солдат, «диалога и совместного управления» в учебе — в соответствии с теми же принципами, что выдвигались в требованиях студентов и школьников. Слова этого воззвания не могли не вызвать сочувствия у тех, к кому оно было обращено:

«Как и всех призывников, нас держат на казарменном положении. нас готовят к исполнению карательных операций. Рабочие и молодежь должны знать, что солдат этой части *никогда не будет стрелять в рабочих*. Мы, комитеты действия, сделаем все возможное, чтобы предотвратить осаду заводов солдатами. Завтра или послезавтра нам будет дан приказ окружить

военный завод, который собираются захватить работающие на нем 300 человек. *Мы устроим братание. Солдаты части, организуйте свои комитеты!*»

Истинная степень брожения внутри армии может навсегда остаться неизвестной, но одна такая листовка ярко показывает, какую благодатную почву мог бы найти здесь классовый призыв со стороны организаций бастующих. Невозможно переоценить неповторимость сложившейся на данном этапе исторической ситуации: социалистическое преобразование общества могло осуществиться мирным или относительно мирным путем.

«Вовсе не так! — снова сварливо возразил редактор *«Юманите»*. — Даже если правительство и пришло в негодность, регулярная армия со своими танками и самолетами только и ожидала малейшего предложения, чтобы потопить рабочее движение в крови и установить военную диктатуру.»

Любая попытка деголлевского режима использовать регулярные войска — даже те, что были размещены по другую сторону Рейна — имела бы такой же результат, что и поход реакционного генерала Корнилова на Петроград в августе 1917 г. Рабочие воздвигли бы прочную стену сопротивления. Использовать армию на этом этапе, значило бы расшатать ее. Революция является чем-то неизмеримо большим, чем простое приключение; на стороне рабочих сосредоточилось гораздо больше сил, чем в противоположном лагере.

В своей работе *«Удержат ли большевики государственную власть?»*, написанной накануне Октябрьской революции, Ленин решительно осуждает поведение некоторых малодушных большевиков:

«Бояться сопротивления капиталистов и в то же время называть себя революционером, желать числиться в социалистах — какой позор!.. Они (капиталисты) повторяют корниловский мятеж... Нет, господа, не обманете рабочих. Это не гражданская война будет, а безнадежнейший бунт кучки корниловцев... А вот когда последний чернорабочий, любой безработный, каждая кухарка, всякий разоренный крестьянин увидит — не из газет, а собственными глазами увидит, — что пролетарская власть не раболепствует перед богатством, а помогает бедноте,... что земля переходит к трудящимся, фабрики и банки под контроль рабочих,.. тогда никакие силы капиталистов и кулаков, никакие силы ворочающего сотнями миллиардов всемирного финансового капитала не победят народной революции, а, напротив, она победит весь мир.»

Как могли бы эти малодушные сталинистские лидеры найти более благоприятную ситуацию, если, конечно, исключить вариант наличия предварительных гарантий безболезненной победы? Перевес сил был всецело на стороне рабочего класса. В разгаре событий, когда рабочие всю развертывали наступление, правящий класс оказался парализованным. Государственная машина хотя и не была

разрушена, но буквально повисла в воздухе. В самый критический период рычаги власти бездействовали.

Безусловно, нельзя исключить, что капиталистические лидеры не удержались бы от кровавых репрессий против рабочего класса. История знает немало примеров свирепой жестокости французской буржуазии, проявленной ею в ситуациях, когда под угрозой оказывались ее богатство, власть и престиж. Но относительно мирная трансформация общества вполне возможна при благоприятной обстановке. В этом случае многое зависит от руководства рабочего класса.

Лидеры компартии плакались об опасности военной реакции. Но полумеры, колебания и бездействие как раз-таки и являются своего рода приглашением для капиталистов развернуть кровавую реакцию. Смелое руководство рабочего класса, стоящее на истинно марксистской платформе и хорошо сознающее свои исторические задачи, не скорчилось бы от страха в преддверии борьбы, а, наоборот, приняло бы самые решительные меры с целью предвосхитить действия реакции. Такие лидеры приняли бы стратегию и тактику, необходимые для обезвреживания государственных «отрядов вооруженных людей», мобилизуя подавляющие силы пролетариата на пресечение любых поползновений контрреволюции.

За две недели лидеры массовых организаций упустили инициативу из рук рабочего класса, и эта историческая возможность была потеряна. Паралич, сковавший де Голля в первые три недели кризиса, подтверждает, как близки были рабочие к социалистическому преобразованию общества.

РАБОЧАЯ ДЕМОКРАТИЯ?

В последнюю неделю мая 1968 г. мобилизующий призыв к рабочему классу взять политическую власть в свои руки прозвучал бы похоронным звоном, оповещающим о гибели капитализма в мировом масштабе. Основываясь на ленинской программе, действуя через свои комитеты, французские рабочие могли бы создать самую передовую форму демократического рабочего правления, когда-либо известную истории. Для этого им нужно было воспользоваться простой программой Ленина, основанной, как известно, на бесценном опыте парижских коммунаров.

При этом правлении все делегаты и официальные лица как местного, так и регионального и национального уровня, избирались бы голосованием и в любой момент могли бы быть отозваны. Их

оплата не превышала бы средний заработок квалифицированного рабочего. Это государство не содержало бы изолированную от народа армию, которую можно использовать против рабочих. Напротив, сами рабочие совместными усилиями смогли бы обеспечить порядок внутри страны и защиту Отечества. Истинно демократическая система учета и контроля, решительное сокращение рабочего дня дали бы возможность всем по-настоящему участвовать в управлении страной. «Каждая кухарка должна учиться управлять государством, — говорил Ленин, — ... или каждый инженер, каждая телефонистка, каждый водитель автобуса, каждая сиделка».

Рабочие комитеты действия могли бы объединиться для борьбы за переход промышленности, распределения, финансов и земли в общественную собственность и установление своего контроля над нею. Из органов борьбы и захвата они превратились бы в настоящий парламент и исполнительную власть пролетариата. Ликвидировав долги мелких фермеров, дельцов и владельцев магазинов, и выдавая им новые кредиты, не обремененные грабительскими процентами, рабочая власть тем самым обрела бы в их лице надежного союзника. Новая власть выступила бы за разработку плана производства того, что нужно народу, а сами цены выдвигались бы на обсуждение народных представителей. Рента, проценты, прибыль, бесполезные растраты и бедность исчезли бы. Призыв рабочим всех стран мира последовать этому примеру оказал бы самое решительное влияние на ход всемирной истории.

Коммунистическая партия, претендент на титул революционного лидера, проявила себя способной на что угодно, только не на революционное руководство. «Это исключительно экономическая борьба». «Рабочие не готовы к социализму», — продолжали утверждать коммунистические лидеры. Но роль революционной партии как раз в том и состоит, чтобы бороться даже за невысказанные чаяния рабочего класса, чтобы вдохновлять многомиллионную армию рабочих на решительные действия, исходя из четкой социалистической программы. Однако на такую роль лидеры компартии оказались неспособными.

В ночь на 27 мая вакуум в верхах был особенно ощутим. Предложения, сформулированные на улице Гренель, отвергнуты, и рабочие ждут какого-либо руководства. Грандиозный массовый митинг, организованный профсоюзом студентов, показывает резко возросший интерес людей к политике. Стадион Шарлети наполнен до отказа. По некоторым данным здесь собралось 50000 человек. Но политическое содержание весьма неопределенно и скомкано. Здесь присутствует старый левый деятель Пьер Мендес-Франс

(бывший премьер-министр). Заявляя, что он готов ответить положительно, если «нация» его призовет, и что он отождествляет себя со студентами, он, тем не менее, не связывает себя никакой программой и вообще не выступает на митинге! И никто другой, даже на этом митинге, так и не представил ясную программу дальнейших действий.

Членов коммунистической партии их руководство предупредило, чтобы они не ходили на митинг. Здесь собрались представители всех студенческих организаций, было много профсоюзников из ФДКТ, пришедших со своими знаменами. Восторженно были приняты Вижье и Баржоне, покинувшие компартию. Однако в десять раз больше энергии данного мероприятия расходовалось на критику Французской компартии (ФКП), чем на выработку программы свержения голлистско-капиталистического режима. Упущен еще один замечательный шанс.

На следующий день, 28 мая, ФДКТ призывает к усилению забастовки. Франсуа Миттеран призывает сформировать Временное правительство; этим заявлением он разочаровывает конституционалистов из числа своих потенциальных сторонников и одновременно озлобляет коммунистов, не сделав никаких обещаний относительно их постов в новом правительстве.

Раздражение, вызываемое действиями лидеров компартии и ВКТ, нарастало. Руководители этих организаций связывали свои надежды с совместной программой, принятой в декабре 1966 ФКП и Федерацией левых сил. В эту Федерацию входили старая соцпартия (СФИО), радикалы и другие более мелкие организации. На последних выборах, в марте 1967, партии, подписавшие совместную программу, собрали 9,2 млн. голосов. Коммунистическая партия из всех сил пыталась сколотить правительство Народного фронта. Левая федерация по-прежнему включала в себя политических представителей мелкой буржуазии в лице немногочисленной Партии Радикалов, которая по-прежнему могла сыграть роль пятой колонны крупной буржуазии. Любая совместная программа включала бы в себя лишь приемлемый для всех минимум мер. Правительство Народного фронта не оправдало бы надежд и, более того, попыталось бы притормозить рабочее движение. Правда, на словах лидеры ФКП пообещали «поставить в первую очередь» вопрос о национализации крупных монополий. Они выступали против «такого типа правительств, которые не способны решить проблемы!». Но основа их политики была фальшивой.

Теперь лидеры ВКТ настаивают на том, что все время они отказывались подписать какие-либо соглашения с правительством!

28 мая «*Морнинг Стар*» (орган компартии Великобритании) делает следующее невероятное заявление: «В некоторых французских газетах можно прочитать о том, что якобы мистер Сеги был освистан рабочими «Рено»,.. в то время как на самом деле подобная неуважительная реакция была выражена рабочими в адрес Федерации предпринимателей, упомянутой Сеги в его речи!»! Позже эта же газета настаивала на том, что Сеги вовсе и не предлагал рабочим путь отступления; вспомните о том, что он их и не призывал к забастовке! «Лидеров ВКТ пытаются обвинить в том, что они убеждали людей вернуться на свои рабочие места. Но в некоторых случаях они заявляли, что уступки рабочим недостаточны».

Несмотря на недовольство рабочих лидеров и их протесты, всеобщая забастовка продолжалась, завоевывая все больше сторонников.

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ

Рабочий класс ждет инициативы со стороны своих организаций. Когда же он увидит, что его ожидания напрасны, а это, по всей видимости, скоро произойдет, процесс радикализации нарушится и иссякнет в виде проявлений малодушия, апатии и отдельных вспышек отчаяния. (*Троцкий «Куда идет Франция?»*)

В то время как пресса расписывает перспективы неминуемой гражданской войны, государственные служащие всецело заняты обсуждением перехода власти к рабочим комитетам, что само по себе не представляет для них никаких сомнений. Проектировщики, работники агентства новостей, и издательств присоединяются к забастовке. Владельцы художественных галлерей выпускают заявление о том, что «искусство не продается!»

Стало очевидным то, что деголлевский референдум провалится. Печатники Франции, Бельгии, южной Англии отказались принимать заказ на бланки для референдума. Невероятно, но Конституционный комитет объявил этот референдум неконституционным! Это все равно, что Тайный совет или Палата лордов в Британии объявили бы действия правительства или монарха неконституционными.

Обстановка складывалась поистине драматически, если даже такой государственный орган, представляющий важное крыло французской буржуазии, прибегнул к открытой оппозиции деголлевским планам. Это решение Конституционного комитета было вызвано отнюдь не «конституционной шепетильностью», а страхом поражения буржуазии: планы де Голля грозили ударить бумерангом по нему самому и капитализму в целом. Отказ народа от его предложения воспламенил бы обстановку, и без того уже накаленную. Лучше подождать отлива — самого подходящего момента для того, чтобы с помощью переговоров преодолеть стремнину революционной реки.

А в этот момент вздувшаяся река вышла из берегов и бушевала вовсю. Европу захватила волна солидарности. В Генуе, Ливорно и Чивитавеккье итальянские портовики отказались разгружать французские корабли. «Таймс» сообщала об акциях солидарности британских рабочих, нанятых французскими предпринимателями. Прекратили обслуживать суда, не разгруженные во французских портах, и нидерландские докеры. В Бельгии рабочие типографий отказались печатать французский журнал «Экспресс».

О какой-либо изоляции революционной Франции не было и речи. Испанские рабочие наносили удары по основанию режима генерала Франко. Португальский диктатор Салазар пришел в

дряхлость. Призыв победоносного французского пролетариата к рабочим всего мира означал бы неминуемую гибель капитализма.

Каково же было отношение к этим событиям правящих клик деформированных рабочих государств? Вплоть до 5-го июня советская бюрократия хранила молчание, не принимая ничьей стороны. Китай демагогически истолковал это молчание как поддержку де Голля. Газета *«Обсервер»* писала: «Кремль меньше всего хочет революции во Франции, которая лишила бы Россию значительной поддержки, исходящей от внешней политики генерала де Голля».

Но на карту было поставлено гораздо больше, а именно — само будущее правящих бюрократий как в Москве, так и в Пекине. Достигнув определенного размаха, революционная волна смела бы с лица земли не только европейский капитализм, но и бюрократические элиты, стоящие во главе сталинистских государств.

Все это несомненно повлияло на позицию ведущих членов Французской коммунистической партии, в том числе на Жоржа Сеги. Участвуя в одной радиопередаче, он за свою пассивность попал под перекрестный огонь журналистов: «Рабочие повсюду говорят, что они «пойдут до конца», — что это для вас означает?

...Устав ВКТ провозглашает своей целью свержение капитализма и замену его социализмом. Как насчет этого?» Сеги признал, что это «фундаментальная» цель ВКТ, но «необходимо сперва убедиться, все ли социальные слои, задействованные в этом движении, готовы зайти так далеко». И снова лидеры приходят к выводу о том, что массы «не готовы» и, закрывая руками глаза, утверждают, что не видят революционной ситуации! К середине последней недели мая это заметили все, в том числе Ги Молле, который в свое время (в 1958 году) от имени разрываемого кризисом правительства предложил де Голлю принять власть. Молле заявляет, что ситуация приобрела истинно революционный характер, не делая, однако, из этого трудные выводы о необходимости его собственного участия в событиях. Правое крыло его социалистической партии уже дискредитировало себя и не имело особого влияния. Но Молле, серьезный и искушенный политик, как и все серьезные наблюдатели, не мог не заметить того, что происходило у него на глазах. Лишь политически близорукие руководители Французской коммунистической партии были способны не разглядеть революцию.

Французская экономика оцепенела. Только небольшое количество рабочих на двух или трех предприятиях экспериментировали в области организации производства под своим управлением. Во всем же остальном промышленном мире, как и в обществе в целом,

Рабочие завода «Рено» отвергают компромиссы.

царило затишье. Фондовая биржа и банк Франции бездействовали. Служащие министерства финансов избрали комитет для контроля за деятельностью вышестоящих чиновников. Но в общем последние дни мая не отличались особым оживлением и на этом фронте. «Экономист» отмечал, что «власть предпочитает созерцать творящиеся беспорядки со стойким молчанием», а «предпринимательские организации так же безмолвны, как и их члены!»

К 29 мая все ударные отряды французского пролетариата, окончательно и бесповоротно отказались от каких-либо соглашений — шахтеры Севера, рабочие «Рено» и «Ситроена», автомобилестроители Берлье, рабочие завода синтетических волокон «Родиагета», самолетостроители, работники аэропортов Орли и Бурже. Рабочие пошли на этот шаг несмотря на то, что многие предложения превосходили даже уступки, достигнутые на улице Гренель. В Бретани разгорелись новые забастовки, прекратили работу мелкие фирмы. Кан в руках студентов и рабочих. Капитализм готов пожертвовать многим ради своего спасения, но даже самые щедрые уступки, кажется, уже не обещают успеха.

«Ивнинг стэндард» комментировала события следующим образом: «Всеобщая забастовка не только не затухает, но, наоборот, все больше приобретает самый непримиримый и открыто политический характер». Сотни комитетов действия на захваченных рабочими заводах требуют «народного правительства».

Утром 29 мая должно было состояться заседание Кабинета. Но этого не произошло! Де Голль — олицетворение Франции — упаковал чемоданы. Новому американскому послу Сардженту Шрайверу он сказал в то утро: «Что касается будущего, господин посол, оно зависит не от нас, а от Бога!» Де Голль поспешно покидает Париж на вертолете. Перед отъездом он передает одному высокопоставленному чиновнику ключ от сейфа, в котором хранится его политическое завещание. В своем загородном доме в Коломбе он не появляется, и вообще — будто провалился сквозь землю. По всей видимости ему понадобилось укромное местечко, чтобы в ближайшие часы как следует поразмыслить над тем, не будут ли лидеры рабочих организаций под давлением снизу вынуждены выступить на захват власти, и сможет ли он в таком случае собрать достаточно сил, чтобы помешать им.

«Во Франции нет действующего правительства», — заявила «Ивнинг Стэндард». Рабочие все еще ждут инициативы от своих организаций. Энгельсом описана подобная ситуация, сложившаяся во Франции во время революции 1848 г.:

«Даже в Париже самым пролетарским массам и после победы было совершенно не ясно, каким путем им следует идти. И все же движение было налицо — инстинктивное, стихийное, неудержимое. Разве это не было именно таким положением, при котором революция должна была увенчаться успехом?» (Предисловие к работе Маркса «Классовая борьба во Франции в 1848-50 гг.»).

Необходима была лишь программа для объединения комитетов и захвата власти. В статье июньского номера «Милитант» говорилось:

«На заводах, в магазинах — повсюду, где собраны коллективы трудящихся, преобладающей формой организации будут несомненно рабочие советы. Местные советы объединятся в районные, районные будут организовывать советы на национальном уровне, и так до тех пор, пока не будут охвачены все трудящиеся, и образуется парламент народных масс, выполняющий волю и желание народа. Это и есть настоящая демократия в отличие от бутафорской демократии «фокусников» из национальной Ассамблеи. При решении требований рабочих, крестьян и среднего класса станет возможным установить между ними взаимосвязь, опираясь на всеобщее стремление к коренным изменениям, к социализму. Получив власть, рабочие советы, где все должностные лица будут избираться и подлежать отзыву, из орудия борьбы за власть превратятся в органы управления и контроля для самих народных масс. Вот чего добивается французский рабочий класс, и это»

прекрасно понимают стратеги капитала. Единственным препятствием на пути уничтожения капитализма остаются лидеры массовых организаций.»

Верхушка коммунистической партии явно поставила перед собой задачу помешать комитетам объединиться. Не были организованы ни Национальный координационный комитет, ни Центральный рабочий комитет — рабочие остались изолированными друг от друга.

В номере газеты *«Ивнинг стэндард»* от 31 мая указывалось на то, что коммунистическая партия держит в руках все рычаги власти «и тем не менее она не хочет воспользоваться этой властью! Корреспондент журнала *«Экономист»* в тот же день сообщал: «В данный момент единственным жизненно важным вопросом в Париже является власть: у кого она сейчас, или кто ее возьмет?» Коммунисты же заявляли впоследствии, что «ни на одну минуту власть не была вакантной!»

В ту ночь в Париже более полумиллиона рабочих вышли на демонстрацию под знаменами ВКТ. Их плакаты гласили: «Шестая Республика — это мы!» «Даешь народное правительство!» У работников метро был особый лозунг: «Де Голля — под землю!» Газета британской коммунистической партии *«Морнинг Стар»* утверждала, что французская коммунистическая партия «на протяжении всего кризиса последовательно и целеустремленно боролась за смещение де Голля и приход к власти народного правительства!» Что ж, если так, почему она не сместила генерала с его прогнившей системой прямо тогда же, не откладывая? Это было бы столь же легко, как лошади-тяжеловозу смануть надоедливую муху. Шекспир писал когда-то: «В делах людей прилив есть и отлив, приливом достигаем мы успеха. Когда ж отлив наступит, лодка жизни по отмелям несчастий волочится».

В очередной раз пришел и ушел момент для решительных действий, а рабочие лидеры так и не произнесли призыв к преобразованию общества. Подобные критические периоды не могут длиться долго.

ДВОЕВЛАСТИЕ

Сама по себе всеобщая забастовка, даже такого гигантского размаха как рассматриваемая в этой книге, не может автоматически дать власть рабочему классу. Она только ставит вопрос о власти перед рабочими и их организациями. Два государства претендуют на господство в обществе. С одной стороны, это ослабленное буржуазное государство, еще не оправившееся от ударов революции

Побег де Голля явился самым очевидным доказательством того, как непрочно положение буржуазного государства. Он напомнил бегство через бельгийскую границу кайзера Вильгельма, напуганного революцией, охватившей Германию в 1918 году. С другой стороны, это зародыш нового рабочего государства. Это государство воплощается в комитетах и сразу же заявляет о себе железным контролем рабочих над предприятиями.

Но власть не упадет в руки рабочих, как перезревший плод. Ее надо взять. История уже доказала, что всеобщая забастовка, которая не подводит к захвату власти, подобна демонстрации со скрещенными на груди руками. Всеобщая забастовка должна служить отправной точкой для организации, координации и утверждения всех начинаний народных масс в области создания нового, рабочего государства.

Главная задача революционной партии в такой ситуации — убедить массы в их собственной силе, найти ясное выражение еще не высказанным стремлениям народа. Если же систематический и последовательный план не будет выработан и своевременно осуществлен, наступит неизбежный спад активности. Массы теряют веру, заражаются безразличием, и контрреволюция поднимает голову. Когда движение не идет вперед к революции, это значит, оно пойдет на попятную и позволит реакции восторжествовать.

Де Голль вернулся в Париж утром 30 мая. В тот же день он обратился к нации с речью, длившейся четыре с половиной минуты, продемонстрировавшей чудотворное перевоплощение президента: с внезапно вернувшейся уверенностью он заявил о том, что референдум не состоится. Ассамблея распущена, а на третьей неделе июня пройдут всеобщие выборы. Он попытался пустить панику: «Стране угрожает коммунистическая диктатура». Он вновь извлек на свет и отряхнул от пыли свой излюбленный лозунг «Я или хаос». Он открыто призвал к «гражданскому действию» через переименованные республиканские комитеты и пригрозил использовать «другие средства» в случае необходимости.

Казалось, колесо революции должно было раскрутиться, однако и сейчас вопрос не был решен. Почувствовав себя более или менее в безопасности, изо всех щелей общества стали выплывать старые реакционные элементы. До миллиона человек, преимущественно старики и представители среднего класса, прибыли на автобусах со всей страны, чтобы в день возвращения де Голля пройти с демонстрацией по улицам Парижа.

«Едва генерал закончил, как его сторонники выстроились в ряды демонстрации. Они наводнили площадь Согласия, — еще не вполне

оправившиеся от страхов и переживаний последних недель, — чтобы прошествовать по Елисейским полям и собраться у Триумфальной арки. Их было, пожалуй, поменьше, чем на демонстрации 13 мая, хотя полиция, смотревшая через увеличительное стекло на изменения в обстановке, обнаружила миллионы... Это был священный союз правых всех оттенков. Бывшие коллаборационисты вышагивали рядом с ветеранами Свободной Франции; вслед за голлистскими министрами и депутатами, объявившими себя борцами против «американской гегемонии», шли демонстранты с флагом Соединенных Штатов; защитники освободительного движения колоний маршировали бок о бок с фанатиками *«Французского Алжира»*, а сладкоречивые либералы — рядом с фашистскими головорезами (*Даниэль Сингер «Прелюдия к революции»*).

Отсутствие твердого руководства во главе революционных сил способствовало тому, чтобы весь этот старый хлам вынесло на поверхность. Следует, однако, отметить, что эта, так называемая «партия страха», представляла весьма немногочисленную часть общества: человеческие отбросы загнивающего класса, которые могли бы быть просто сметены молодой, полной сил революцией. Теперь же, почувствовав спад революционной волны, осмелевшая мелкая буржуазия истошно вопила: «Коммунизм не пройдет!», «Франция для французов!», «Кон Бендита — в Дахау!», «Миттерана — к столбу!» Это лишь некоторые из многих других, не менее отвратительных шовинистических лозунгов.

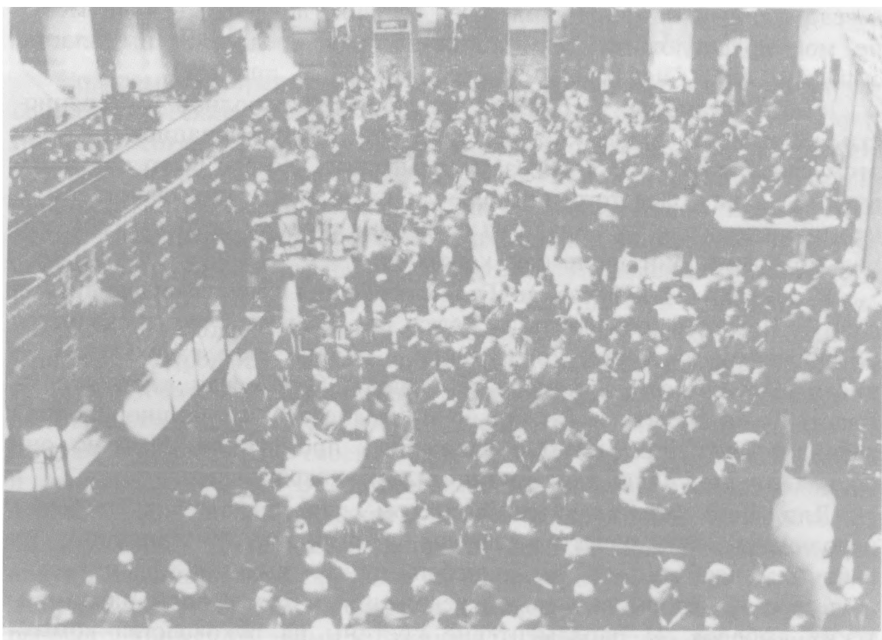
В двух с половиной милях от центра Парижа появляются грузовики с солдатами. По кольцевым дорогам циркулируют танки. Получено тревожное сообщение о том, что от французской границы движутся походным порядком два полка — две тысячи человек. Моральный дух восстановлен — приказы будут исполнены.

Как стало теперь известно, де Голль «исчезал» в Баден-Баден для переговоров с французскими военачальниками, в том числе с генералом Масю, главнокомандующим французскими войсками в Германии, насчитывавшими 70000 человек. Это было последней надеждой де Голля. Он мог размышлять лишь на языке военных маневров и развертывания войск. «Подобно персонажу из классической литературы, принаикающему к земле, чтобы обрести силу, ему понадобилось вернуться к своим корням, каковыми являлась армия,» — объяснил шеф полиции.

Позже парижский корреспондент газеты *«Ивнинг Стэндард»* Сэм Уайт обнаружил, что де Голль

«потребовал от армии нерушимой верности режиму, а также заверил Масю в том, что в случае революции в Париже, президент республики учредит правительство на правом берегу Рейна.

Примечательно, что коммунистические лидеры были единственными политиками, получавшими вести о том, что замышлялось в Баден-Бадене: французская армия через свои каналы информации снабжала их некоторыми

Воротилы большого бизнеса боятся развития событий.

подробностями деголлевских планов. К концу дня 29 мая было уже ясно, что в Париже воцарилось спокойствие и генерал спокойно может возвращаться домой с победой.»

Они хорошо поладили с Масю — «мясником Алжира», который брался добросовестно выполнить любой приказ президента, а тот обещал освободить из заключения генерала Рауля Салана — бывшего главаря ОАС — секретной армии убийц, созданной для того, чтобы сохранить Алжир французским. (В течение следующего месяца он и другие предводители ОАС вышли на свободу).

Обещание военной поддержки несколько укрепило дух генерала де Голля, однако военное решение, несомненно, рассматривалось им как самое крайнее средство, если все другие не дадут результат. Хотя, быть может, де Голлю и хотелось стать вторым Галифе — генералом, утопившем в крови Парижскую Коммуну, — ему приходилось помнить о том, что любая попытка использовать армию может обернуться ее расколом.

Все же решающим фактором для де Голля стала предательская роль руководителей коммунистической и социалистической партий. Будучи серьезным стратегом капитала, де Голль, прекрасно

осведомленный о малодушии этих рабочих лидеров, тем не менее не мог предположить, что, когда история предложит им власть, они, как цветы-недотроги, «постесняются» ее принять!

Итак, Ассамблея распушена, ее депутаты в полной растерянности, если не в шоке. «Левые» даже спели «Интернационал» — в этом священном зале он прозвучал впервые. Но это было красивым жестом — не более того, поскольку они не имели объяснения тому, что происходит, и их кидало из стороны в сторону потоком событий, над которыми они не имели контроля.

В течение 24-х часов де Голль совершил свое возвращение на сцену. Чем это объяснить? «Когда он объявил, что государство по-прежнему на месте, коммунисты с облегчением вздохнули», — писал *«Экономист»* в номере от 1 июня. Они могли взять власть. Власть была добыта и буквально преподнесена им мощной волной рабочего движения, но они отказались принять ее. Именно они позволили де Голлю взять инициативу в свои руки.

Для него же главным вопросом дня было, как погасить революцию, как очистить заводы и фабрики от занявших их рабочих; необходимо было любой ценой вывести французское общество из штормовых морей революции в тихие воды парламентских выборов. И парламентские кретины из руководства коммунистической и социалистической партий встретили это предложение с распростертыми объятиями.

Приступив к избирательной кампании, де Голль прежде всего избавился от нескольких министров, не успевших к тому времени подать в отставку. Во время своей злобной антикоммунистической кампании он крушил одну за другой идеи радикальных реформ, используя при этом призрак сталинистской диктатуры. Ждал ли его успех? Долго ли ему сопутствовала бы удача? Возможен ли был его провал на выборах и приход к власти коммунистическо-социалистического правительства?

Коммунистическая партия охотно вступила в избирательную кампанию. Не попытавшись взять власть, коммунисты теперь приветствовали выборы как возможность для людей сказать свое слово, как будто те уже не выразили абсолютно ясно все свои пожелания! Коммунисты отказались от верной победы и теперь направили все свои усилия на то, чтобы демобилизовать войско. Они призвали рабочих вступать в переговоры, выторговывать себе самые выгодные условия и возвращаться к работе, даже если другие отряды трудящихся и продолжают забастовку.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА?

Во время избирательной кампании коммунисты приглушили все социалистические аспекты своей программы. Сначала они пытались прийти к соглашению слевой федерацией о совместной программе, которая включила бы *прогрессивную* национализацию банков, финансовых учреждений, военной и аэрокосмической промышленности, авиатранспорта, а также учреждение национального инвестиционного банка и рабочих комитетов управления и контроля. Когда этот замысел не удался, они вступили в избирательную кампанию с более умеренными лозунгами, чем даже социалисты. Они спекулировали такими ничего не значащими фразами как «демократическая модернизация экономических, социальных и политических структур». Хуже всего то, что они пытались вырядиться в одежды своего врага: патриотизм, благопристойность и респектабельность. Они провозгласили весьма «вдохновляющий» лозунг: «Против беспорядков, против анархии — голосуйте за коммунистов!», с целью представить себя в виде альтернативной партии «законности и порядка» по отношению к де Голлю. Дошло даже до того, что они предпочли красному флагу международного рабочего движения знамя французской буржуазной республики. В связи с этим британские коммунисты даже организовали у стен посольства демонстрацию под двумя флагами — красным и французским трехцветным.

Только один путь может *гарантировать* сокращение рабочего дня, строительство нового жилья для рабочих, повышение уровня жизни людей — это рабочая демократия на базе национализации монополий под демократическим рабочим контролем и управлением. Вместо того, чтобы выступать за это, коммунисты проповедовали идею «новой демократии, которая откроет путь к социализму». Так сколько же еще предстояло рабочим ждать? Означало ли это, что к социалистическому преобразованию общества должны вести две ступени? А может и не ступени вовсе, а медленное, постепенное восхождение до тех пор, пока капиталисты сами не уступят дорогу? А может и то, и другое?

В конце 1968 года Центральный комитет ФКП, наконец, расшифровал значение этого лозунга:

«Лучший путь к социализму в нашей стране ведет через организацию борьбы народных масс против личной власти, за передовую демократию и ослабление позиций крупного капитала в жизни нации; необходимо организовать такое движение масс к социализму, перед которым монополии были бы вынуждены сдать свои позиции, не имея возможности развязать гражданскую войну, чтобы воспрепятствовать воле народа.»

Какие, однако, иллюзии касательно доброй воли буржуазии! И какой путанный, совершенно не марксистский подход!

Компартия одержала бы уверенную победу на выборах в июне 1968 года, если бы выступала за коммунистическо-социалистическое правительство с программой национализации фирм и предприятий, принадлежавших двумстам семьям капиталистической верхушки. Коммунисты могли бы противопоставить «порядок» плановой экономики — «анархии» капиталистического рынка, социалистическую демократию — «космополитическому заговору капитализма» (выражение Маркса). Коммунисты имели прекрасный шанс привлечь мелких крестьян, торговцев и дельцов на сторону партии рабочего класса, представив программу, включающую погашение их долгов, предоставление дешевых кредитов и помощи. Однако вместо этого они попытались состязаться с де Голлем на его же собственной территории.

К сожалению, коммунистическая партия Франции не усвоила одного из главных уроков французских событий. Средние классы общества могут перейти на сторону рабочего класса в результате его решительных действий, а не умеренности и попыток включить в программу рабочей партии идеи чуждого класса.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ

Исход выборов показал, что в ситуации, когда общество крайне поляризовано, — что и произошло во время описываемых событий, — выигрывают те партии, которые наиболее последовательно выражают интересы поляризованных классов. Так немногочисленная центристская партия ОСП, которая признавала ситуацию конца мая «как никогда благоприятной для победы социализма» и говорила о «власти рабочих», удвоила количество голосов с 495412 в 1967 году до 874212. Правда, в связи с причудливыми особенностями французской избирательной системы, эта партия потеряла в то же время три своих депутатских места.

Коммунистическая партия потеряла 604675 голосов и половину своих депутатов (в 1967 году они собрали 5039032 голоса). Федерация левых сил потеряла приблизительно такое же количество голосов — 570107, сохранив лишь 57 мест из 118-ти. Для социалистов это была самая разительная в истории потеря голосов. Левая федерация вскоре распалась, а в следующем году у остатков СФИО (старая социалистическая партия) хватило сил только на 4% от общего количества голосов.

Голлисты выиграли почти в точности то число голосов, которое потеряли левые — 1214623. Как же это могло получиться? Коммунисты объясняли это тем, что большое число голлистов, не использовавших свои голоса в течение 20 лет, на этот раз пришли на помощь генералу. Но что же тогда сказать о десяти миллионах забастовщиков, далеко не все из которых проголосовали против де Голля, в пользу левых партий? Как объяснить это?

Очень просто! По крайней мере для коммунистов. Компартии всего мира единодушно сошлись на том, что эти результаты лишь «доказывают» без всяких сомнений: ситуация во Франции не была революционной! И коммунисты поступали совершенно верно, не пытаясь осуществить революцию. Ну, конечно же, рабочие были не готовы, иначе как бы они допустили подобное торжество де Голля? Это была очередная попытка коммунистов взвалить собственную вину на рабочий класс. Что выборы действительно доказали, так это неспособность «революционной» коммунистической партии убедить 15 миллионов рабочих и средний класс Франции в том, что социализм может стать реальностью!

Забастовка окончательно рассеяла сомнения рабочих относительно того, могут ли они добиться преобразований в обществе. И при другом исходе забастовки французский пролетариат показал бы всему миру, на что он способен. Но когда движение идет на убыль, и рабочим ничего не остается как опять впрячься в ярмо, в их души вновь закрадываются прошлые сомнения. А тут еще контрреволюция из всех сил старается разжечь страхи перед неизведанным. И, не встретив сопротивления революционной пропаганды, пропаганда контрреволюционная непременно сработает.

Голлистская избирательная система была совершенно очевидно направлена против рабочих регионов и особенно против молодежи. Пять миллионов французов в возрасте от 16-ти лет до 21-го года не имели права принимать участие в голосовании, — а ведь именно эти юноши и девушки были самым активным образом вовлечены в политическую жизнь страны последних месяцев. Более того, даже 200000 молодых людей, которым за последние три месяца исполнился 21 год, не смогли проголосовать по той простой причине, что выборы проводились по старым спискам избирателей. Миллионы иммигрантов и члены их семей также не имели права голоса. В войсках не распространялись предвыборные материалы — конечно, за исключением голлистских.

Из-за крайне неравномерного распределения избирателей по избирательным округам, село, которое являлось традиционным оплотом консерватизма, получало значительные преимущества,

выбирало непропорционально большое количество депутатов. А именно: для победы коммунисту необходимо было набрать 135000 голосов, в то время как голлистам достаточно было 27000! Вспомним, однако, что уже за несколько месяцев до майских событий голлистам предрекали провал на предстоящих выборах. Так как, казалось бы, после такой мощной волны народного недовольства ничто, в том числе и пристрастная избирательная система, не могло спасти голлистов от позорного поражения.

И все же, исключительно благодаря трусливой позиции коммунистической партии, не только голлизм, но и де Голль, и собственно капитализм вернулись к жизни — по крайней мере на время. Почти миллион избирателей, оказавшись перед выбором между «законностью и порядком», провозглашенным коммунистами, и таким же девизом де Голля, предпочли из двух зол выбрать уже известное — опытного специалиста. Однако триумф де Голля вскоре обернулся для него пирровой победой.

Стремясь избавиться от всех возможных соперников, де Голль бесцеремонно прогоняет своего самого преданного слугу Помпиду — это происходит в июле. Дело в том, что за последнее время популярность Помпиду значительно возросла, а «Бонапарт» не собиравшийся ни с кем делить лавры победителя. Но в течение того же года Жорж Помпиду, в прошлом финансовый магнат из группы Ротшильда, становится президентом Французской республики. Великая всеобщая забастовка основательно пошатнула могущество де Голля, и последний роковой удар его правлению был направлен его же собственной рукой. Он созвал референдум по вопросам самоуправления и административного деления Франции. И был бесповоротно отвергнут. И с этого момента он навсегда покинул историческую сцену. «Ничто не повторяется дважды, — комментировала британская пресса. — Время показало, что выборы были не более, чем интермедией».

УРОКИ МАЯ 1968 ГОДА

Те, кто заинтересованы охладить боевой дух рабочих и молодежи, ссылаются на опыт 1968 г. с целью доказать бесполезность борьбы: мол, все это приводит к усилению реакции! Тут же они пускают в ход высказывание Маркса о том, что государственная машина «совершенствуется» революциями. Что и говорить, французскому капитализму пришлось до некоторой степени обновить свой арсенал защитных средств, отойдя от военно-полицейских методов. Однако потрясения 1968 года не прошли даром. Французской буржуазии уже никогда не обрести прежней уверенности в себе.

С другой стороны, майские события могут стать источником глубокого оптимизма для рабочих. В гуще происходящего они увидели проблески будущего. Несколько перефразировав одного американского журналиста, ставшего свидетелем установления в 1917 г. советской власти в России, можно сказать, что «все это должно было неплохо сработать». Лидеры мощного французского пролетариата позорно отказались от возможности создать правительство рабочих советов. «Мы еще не потеряли голову!» — заявил Жорж Сеги.

Джеймс Ключманн в своей статье, помещенной в газете «*Морнинг Стар*» 6-го июня 1968 г., попытался подвести нечто вроде «теоретической» базы под предательство французской коммунистической партии. Он торжественно заявил, что «революция является чем-то гораздо большим, нежели приступ гнева». Он цитировал Ленина, дабы подкрепить свой вывод о том, что, поскольку государственная власть не перешла от одного класса к другому, революции во Франции не было! «Старое государство было образовано в таких формах и с таким персоналом, чтобы служить капитализму», — рассуждает он. — Его необходимо заменить таким государственным аппаратом, персонал и структура которого служили бы целям строительства социализма». Каким образом? Что ж, для этого нужны народное движение и революционная партия.

«В жизни революционера или революционной партии бывают моменты великой, решающей политической борьбы, когда рабочие приступают к активным действиям и за несколько недель могут резко поменять свои взгляды, и есть долгие периоды терпеливой подготовки, просвещения и организации. Наряду с мужеством массовых демонстраций и баррикад существует также мужество терпения и настойчивости, нужное для того, чтобы помочь людям понять потребность в революции и характер необходимых революционных изменений в обществе. Оба из названных качеств нужны революционной партии».

Так с какой же из двух описанных ситуаций следует соотносить май 1968 г. во Франции? Клюгманн не дает ответа на этот вопрос. А ведь когда дело касается революции, последний месяц «беременности» перепутать с первым так же преступно, как первый принять за девятый!

Далее Клюгманн приводит большую цитату из предисловия Энгельса к работе Карла Маркса *«Классовая борьба во Франции в 1848-50 гг.»*. Энгельс рассматривает возможность немецких социал-демократов завоевать большинство в парламенте, что спасло бы их от перспективы быть втянутыми в «уличную войну» на невыгодных условиях. Подобно тому, как в свое время в начале века это делал Кауцкий, Клюгманн заведомо упускает слова Энгельса о том, что уличные бои и баррикады в будущем еще не раз потребуются. Они не стесняются выставлять Энгельса таким безвольным, законопослушным либералом, лишь бы хоть как-то оправдать свой страх перед любой внепарламентской деятельностью! Таким вот образом реформисты из коммунистической партии пытаются обосновать «закономерность» поворота с революционного пути на путь парламентской именно *в тот момент*, когда победа была близка.

В конце мая 1968 г. Франция переживала родовые схватки перед рождением нового общества. Революционной партии не требовалось даже организовывать какой-либо насильственный мятеж: единственно необходимая «сила» в таких обстоятельствах — своевременное применение акушерских щипцов. Всеобщая забастовка десяти миллионов рабочих выполнила львиную долю той работы, которая требуется для достижения цели — перехода власти от одного класса к другому. Так как же не дрогнула рука упустить такую возможность и начать все сначала на всеобщих выборах, причем, потеряв все свои преимущества и оказавшись в самых невыгодных условиях, когда вся мощь государства и средства массовой информации оказались вновь в руках капиталистического класса.

Французская коммунистическая партия, так упорно отстаивавшая парламентский путь, не смогла даже к самим выборам подойти по-революционному и развернуть кампанию за социалистическое преобразование общества!

СЕКТАНСТВО

В студенческом движении выделились лидирующие группы, считавшие ситуацию во Франции революционной. Среди них были современные бланкисты, ошибочно полагавшие, что смелая группа революционеров может заменить массовое движение рабочего класса. Многие, в том числе маоисты и самозванные троцкисты, лелеяли романтическую мечту перенести на улицы европейских городов партизанские методы Че Гевары и Фиделя Кастро. Вполне естественно то, что они не создали базы на заводах.

Во время уличных боев в мае молодежь, собравшаяся вокруг Пьера Фрэнка и Эрнеста Манделя в РКМ, проявила замечательное мужество и прекрасные организаторские способности. Однако реальная жизнь заставила их убедиться в верности замечания, сделанного Троцким задолго до этих событий: «Даже самая героическая интеллигенция без народа — ничто».

Но когда они пошли на заводы искать поддержки рабочих, они несли с собой высокомерие, а не скромность, о которой неустанно твердили Ленин и Троцкий. Они громко обсуждали каждый неверный шаг коммунистической партии, не пытаясь, однако, терпеливо объяснять рабочим истоки ошибок ее руководства.

Такие люди не понимают роли массовых организаций, они забывают, чего стоило рабочим создать их, и поэтому удивляются той глубокой привязанности, которую рабочие испытывают к своему детищу. Жажда кратчайших путей заставляет таких революционеров искать альтернативы кропотливому процессу повышения сознательности миллионов рабочих. Они стремятся к революции, к созданию боевой революционной партии, не понимая, однако, что достижение этих целей неразрывно связано с необходимостью преобразования существующих организаций рабочего класса.

Что же касается избирательной кампании, то здесь марксистская группировка могла бы добиться замечательных результатов, если бы обратила все свое внимание на рядовых коммунистов-рабочих, которые во время забастовки на ошупь продвигались к революционным идеям. Марксисты могли бы побудить рабочих потребовать от своих лидеров, чтобы те развернули кампанию на основе полной социалистической программы, предложенной в разгар событий Вальдеком-Роше. В данной ситуации марксисты выступили бы в качестве катализатора в уже начавшемся процессе вызревания многих сомнений и помогли бы рабочим, в первую очередь молодежи, перестроить коммунистическую партию в истинно революционную массовую силу.

Но, к несчастью, подход этих квази-троцкистов к данной проблеме исходил из неправильных и немарксистских политических перспектив. Иногда их действия соответствовали моменту: например, во время событий они своевременно выдвинули программу для того, чтобы связать между собой комитеты действия и использовать их как органы для создания правительства истинных рабочих представителей. Но они растеряли весь накопленный капитал, когда призвали рабочих бойкотировать всеобщие выборы, и лишились блестящей возможности привлечь на свою сторону самые широкие массы пролетариата.

Ленин вообще рекомендовал бойкот парламентских выборов только тогда, когда уже существует альтернативная форма рабочего правительства, — в России это были Советы. До тех пор, пока рабочее движение не наберет достаточно сил, чтобы активно воздействовать на мнение подавляющего большинства и настроить его против участия в выборах, эта затея обречена на провал. Но французские сектанты 1968 года не давали себе отчета в том, что подходящий момент для революционного перехода власти упущен, и массы не имеют никакой альтернативы парламенту.

В июне, в результате наступления реакции под предводительством де Голля, были запрещены РКМ и ИКП наряду с другими десятью организациями и газетами. Их лидеры ушли в подполье, некоторые были на короткое время арестованы. Эти организации возобновляли свою деятельность под другими названиями, но и нынешнюю, изменившуюся ситуацию, они не смогли оценить правильно. Они возлагали большие надежды на сотни комитетов, созданных во время забастовки, полагая, что те могут продержаться неопределенно долгое время, служа основой для тех или иных форм рабочего контроля в промышленности и обществе. Но подобные комитеты, выросшие в атмосфере ожесточенных классовых битв, не могут долго существовать вне условий, их породивших.

Во время великой забастовки во Франции во всем мире, в том числе и Британии, велись широкие дискуссии по вопросам рабочего контроля и участия в управлении промышленностью. Будучи в то время министром технологии, Тони Бенн выступал за расширение рабочей демократии, а события во Франции значительным образом подогревали дискуссии по данной проблеме.

В «нормальные» времена рабочие капиталистической промышленности через органы такого типа, как комитеты цеховых старост, если и способны осуществлять некоторые элементы контроля, то в весьма ограниченных пределах. Очень важную роль во время выборов могут сыграть первички рабочих партий на предприятиях

и организация массовых митингов на каждом заводе и фабрике. Если бы во Франции на всех заводах и в учреждениях, которые были заняты во время забастовки, было организовано широкое обсуждение решающих вопросов избирательной кампании, это в огромной степени помогло бы кандидатам от рабочих партий. Однако коммунистическая партия предпочла превратить комитеты действия в комитеты избирателей Народного фронта, так и не попытавшись развернуть систематическую кампанию о социалистической политике.

Лидеры коммунистической партии повернулись спиной к миллионам рабочих, все еще продолжавших бастовать, и, оставив их на произвол судьбы, с головой погрузились в заботы избирательной кампании. Когда возможность политических перемен через всеобщую забастовку стала быстро удаляться, повсюду на предприятиях начались переговоры с боссами, вновь почувствовавшими почву под ногами. Им, однако, пришлось пустить в ход политику не только кнута, но и пряника, чтобы вновь запустить французскую промышленную машину.

Многие рабочие согласились вернуться к станкам, потребовав взамен железных гарантий в отношении заработной платы, условий труда и продолжительности рабочего дня. Другие воспользовались случаем, чтобы получить гарантии полного осуществления с этого момента прав профсоюзов, а также чтобы оградить всех членов коллектива от наказаний за участие в забастовке. Там, где рабочие оказались особенно несговорчивыми, предпринимателям пришлось пойти на еще большие уступки по сравнению с теми, которые были обещаны ранее: некоторые, например, предложили полностью оплатить все дни простоя за время забастовки!

Энергетикам поступило предложение о 20-процентном повышении заработной платы и 40-часовой рабочей неделе, но и на этих условиях они с администрацией не сошлись. Работники метро и автопарков проголосовали за продолжение забастовки. 1400000 работников торговли — второй по численности отряд пролетариата во Франции — колебались и перед тем, как принять решение, несколько дней выжидали, чтобы сориентироваться в обстановке. Шахтеры северной Франции в результате тайного голосования отклонили предложение о 10-процентном повышении заработной платы.

Столкнувшись с непоколебимой решительностью рабочих, многие компании попробовали изменить свою тактику, прибегнув к методам насилия и запугивания, что неизбежно спровоцировало новые вспышки: новые демонстрации и забастовки. 1000 полицейских

прибыли по вызову на завод «Рено» во Флэне, где рабочие отказались от участия в тайном голосовании. Результатом явились демонстрации и серьезные столкновения. Во время разгона одной из демонстраций, когда полицейские ЦРС преследовали людей орудия дубинками, один школьник, пытаясь спастись от ударов, прыгнул в Сену и утонул. В Сошо также администрацией была вызвана штурмовая полиция, и во время ожесточенных перестрелок погибли двое рабочих.

В ответ на эти события в Париже вспыхнули баррикадные бои. Были совершены нападения на пять полицейских участков. Крики рабочих «они убили наших товарищей» сотрясали воздух. Наиболее ожесточенные схватки разгорелись на обоих берегах Сены в ночь на 10 июня. Было возведено не менее 72-х баррикад, горели автомобили и полицейские фургоны. Полиция арестовала 1500 человек.

Подразделения ЦРС посылались для захвата не только заводов, но и самых различных учреждений: почтовых отделений, железнодорожных вокзалов и т.д.. 14 июня войска прибыли в Одеон, чтобы очистить от бастующих театр, а 16-го их направили в Сорбонну. Школа изобразительных искусств была захвачена полицией лишь 27 июня. Несмотря ни на что рабочие «Рено» продержались до 17 июня. Рабочие восьми заводов «Ситроена» вернулись к станкам спустя несколько дней, а на предприятиях «Пежо» работа возобновилась только 24 июня.

Оживили свою деятельность фашисты: участились их разбойные вылазки и нападения на здания рабочих организаций. Фашистские молодчики охотились за активистами, проводившими избирательную кампанию. Так, ими был убит один молодой коммунист, ведущий предвыборную агитацию.

Высылка из страны многих сотен иммигрантов и иностранных студентов стала последствием их участия в забастовке. Многие рабочие активисты лишились мест: так, после выборов на «Ситроене» было уволено не менее 925 человек.

Радио- и тележурналисты объявили свою забастовку довольно поздно. Они вели неравный бой за сохранение средств массовой информации на службе у рабочего класса. Вновь оказавшийся у руля де Голль отправил военных специалистов обеспечить работу передатчиков. Позже 66 журналистов были уволены. Многие из оставшихся лишились своих программ. В знак солидарности бельгийские радиожурналисты собрали средства для поддержки уволенных французских коллег.

Изоляция и отсутствие информации повлекли за собой целый ряд поражений. До некоторой степени был подорван боевой дух. Вся ответственность за это лежит на профсоюзных федерациях. «Лидеры» в очередной раз отвернулись от людей, настоятельно порекомендовав провести разрозненные (на каждом заводе в отдельности) переговоры с боссами. Они не сделали ровным счетом ничего для того, чтобы поддержать рабочих в трудный час и помочь им вернуться на рабочие места победителями, а не побежденными.

Почувствовавшие силу своих мускулов и вдохнувшие живительного горного воздуха, рабочие не могли сдать врагу без боя. Но упустив возможность взять бразды управления общества в свои руки, им не оставалось ничего другого, как отдать заводы владельцам и заключить с ними соглашения о заработной плате и условиях труда.

Итак, в мае 1968 года во Франции поднялся на ноги гигант Пролетариат, разорвав оковы одной лишь силой своих мускулов. Но чтобы справиться со своим врагом — Капиталом, ему нужен был острый меч — революционная партия с последовательным, решительным и смелым руководством.

Лишенный такого оружия, гигант был снова повержен, но не без огромных усилий. Врагу пришлось испробовать все виды оружия из своего арсенала, в том числе и силы государства, и такие полувоенные организации как «Оксидан». Но самой позорной явилась роль собственных организаций рабочих. Они помогли боссам связать гиганта и вбить колышки в землю. Многие отряды рабочего класса стойко держались, отражая попытки неприятеля вновь зашелкнуть кандалы. Спустя неделю после объявления выборов забастовку все еще продолжали пять миллионов человек.

Около двух миллионов бастующих насчитывалось еще через две недели. Даже в июле отдельные коллективы продолжали бастовать.

«Экономист» отмечал, что кто бы ни победил на выборах, ему придется столкнуться с серьезным экономическим кризисом и допустить инфляцию, которая отнимет у рабочих завоеванное ими повышение заработной платы. 30 мая банк Франции призвал не поддерживать франк. Это объяснялось стремлением увеличить конкурентоспособность французских товаров на мировом рынке путем девальвации франка, что в свою очередь должно было привести к росту цен на внутреннем рынке. В результате курс франка достиг самого низкого уровня с 1958 года. Прогнозы бюджетного дефицита в 400 млн. долларов оказались заниженными. «Экономист» прокомментировал: «Никакое мыслимое перераспределение национального дохода не в состоянии удовлетворить

обещанное, даже в случае перевода больших сумм из сферы инвестиций в сферу потребления, что означало бы завершение устойчивого экономического роста, наблюдавшегося в прошлом». Бонн и комиссия ЕЭС в Брюсселе дали разрешение Франции ограничить импорт и увеличить экспорт, чтобы спасти Францию от очередной конвульсии. Международный валютный фонд предоставил 300 млн. фунтов стерлингов.

Помпиду отметил, что каждая неделя забастовки вела к уменьшению годового объема производства на 2%, что также означало потерю 2-х процентов годового дохода каждого работающего. Но что были эти проценты по сравнению с многообещающими перспективами нового будущего!

Когда в конце третьей недели июня происходил первый тур выборов, 1 миллион человек еще продолжали бастовать. Школьники лицеев приняли решение не являться на занятия даже в первый день нового учебного года — в сентябре. Зато лидеры ВКТ даже подписали договор, где давали согласие на «восстановительные работы», чтобы позволить французской промышленности «наверстать упущенное».

Годовой рост производительности труда увеличился с 7-ми до 12-ти процентов, однако и цены стремительно росли. Всеобщая забастовка несомненно явилась победой в смысле достижения значительных реформ, но достигнутое повышение заработной платы и всевозможные дополнительные выплаты неизбежно пожирались инфляцией. А на многих предприятиях достигнутые соглашения и вовсе не были выполнены мстительными хозяевами.

С точки зрения капиталистов — все уступки нужно взять обратно. С точки зрения рабочих — необходимой становится политическая борьба.

ОБРАЩЕНИЕ К ТРАДИЦИОННЫМ ПАРТИЯМ

За один месяц в 1968 г. рабочие научились большему, чем за предыдущие десятилетия. Они пережили внезапное пробуждение и расцвет своих талантов и возможностей. Они испытали резкую политизацию и радикализацию. Результатом майских событий стал значительно возросший интерес трудящихся масс к политике. Стремясь найти форум для политической дискуссии, рабочие и молодежь обратились к своим традиционным организациям. Они будут проверять на прочность эти организации, созданные их

предшественниками в тяжелой борьбе. Они будут снова и снова испытывать своих лидеров, проявляя верность и стойкость.

Рабочие повернулись к профсоюзам и коммунистической партии. Важность сплоченности и организованности они оценили во время событий. Те организации, лидеры которых вышли на передний план в «майские дни», имели глубокие корни в рабочем движении. Рабочие пошли за ними, несмотря на попытки руководства ограничить их инициативу и сохранить аппарат под своим контролем. Иной массовой марксистской партии не было.

Рабочие организации оставались в целости и быстро росли в горячие недели мая и начала июня. Учитывая имевшееся соотношение сил, буржуазия могла перейти к военно-бонапартистской реакции, лишь после серии значительных поражений рабочих. Пришел момент, когда капитализм приготовился отыграться, однако и тогда не было и речи о движении голлистского режима к «фашизму», как пытались изобразить коммунисты и некоторые сектанты. В той ситуации, когда забастовочное движение пошло на убыль, и де Голль попытался восстановить статус-кво с помощью выборов, не существовало реальной угрозы применения контрреволюционных методов. Несмотря на частичное поражение, рабочие и их организации были по-прежнему могучей силой.

В 1968 г. численность коммунистической партии увеличилась на 55000 человек. В одном только мае ее ряды пополнили 15000 новых членов. К концу мая в Париже насчитывалось 80 вновь созданных партийных ячеек. «Юманите» сообщала о десятках тысяч новых членов ВКТ. А по данным «Морнинг Стар» за год к этой организации присоединились 500000 человек.

Передовые рабочие вступали в коммунистическую партию. Они продолжали видеть в ней партию революции, не полностью разглядев ее роль в предательстве их же интересов. Коммунистическая партия увеличила свою численность. Но по сравнению с тем, чего она могла бы достичь, возглавив социалистическую революцию, этот рост ничтожен: не 50 тысяч, а миллионы людей влились бы в ее ряды. За год русской революции численность большевистской партии выросла с 8 тысяч в феврале до 240 тысяч в октябре, т.е. в 30 раз. С другой стороны, коммунистическая партия и ВКТ утратили значительное количество своих бывших членов, исключенных из этих организаций за критику руководства. Да и в будущем, судя по всему, партию ожидали новые конвульсии и внутренние потрясения.

Численность ФДКТ удвоилась. Это несомненный результат того, что во время событий эта организация стояла слева от федерации

коммунистических профсоюзов. Ее политика в большей степени отвечала настроениям забастовщиков, и ее лозунги звучали более радикально. Выборы в комитеты предприятий на заводах «Рено» в Клеоне и Мишлене показали отчетливо выраженный отход от ВКТ в сторону ФДКТ. Это были те рабочие, которые впоследствии заполнили ряды новой социалистической партии, созданной в 1971 году.

Майские события принесли французским рабочим как победу, так и поражение одновременно; это была частичная победа и частичное поражение. Продемонстрировав небывалую силу и решительность, рабочие вырвали у боссов и правительства серьезные реформы, и тем самым показали, чего можно добиться массовыми действиями. В кратковременной перспективе капиталистам пришлось расплачиваться значительными экономическими уступками. Рабочим оставалось самое главное — захватить власть, но она вновь оказалась в руках прежних правителей.

Только через 13 лет после Великой забастовки рабочие дождались победы социалистической и коммунистической партий на президентских и парламентских выборах. Что же касается описываемых здесь событий, после поражения 1968 года, сперва вне стен парламента, а затем и на выборах, рабочий класс некоторое время находился в состоянии уныния. Вновь ожили былые сомнения: может мы хотим слишком многого? Может быть наши мечты несбыточны?

Рабочие — не деревяшки, а человеческие существа, которые имеют всю гамму ощущений, испытывающие как чувство восторга, так и разочарования. Все выдающиеся марксисты придавали большое значение сложным психологическим изменениям настроений рабочих, которыми сопровождались переходы исторических событий из состояния бури в затишье и наоборот. Они показывали пример обостренного восприятия в этом вопросе. Однако таких тонкостей не понять тем, кто пользуется упрощенными, карикатурными схемами марксистской стратегии и тактики. Псевдокоммунисты и самозваные троцкисты одинаково высокомерны и циничны по отношению к рабочему классу, представлять который они так стремятся.

1968 год поднял надежды людей на качественно иной уровень: выше привычных ожиданий, связанных с заботами о хлебе насущном. По сравнению с пролетариатом, свершившим революцию в России в 1917 году, французский рабочий класс 1968 года обладал гораздо большим опытом и имел в распоряжении значительно более высокий уровень развития техники и культуры. Нетрудно предпо-

ложить, что и результаты революции 1968 года в случае ее победного завершения сразу же превзошли бы достижения ее русской предшественницы. Можно только представить, какого еще не виданного в мире расцвета достигли бы таланты и творческая фантазия рабочих на благоприятной почве. После 1968 года коммунистической и социалистической партиям следовало объединить свои усилия, чтобы сообща выступить против капиталистических партий, опираясь на смелую и убедительную социалистическую программу. В результате многочисленных слияний фирм и смен их владельцев количество французских семейных монополий заметно сократилось. Национализация командных высот в экономике и программа демократического рабочего контроля и управления вдохновили бы рабочий класс на новые свершения. Однако и здесь лидеры оказались не на высоте.

Показав себя неспособными обеспечить победу на выборах в 1973 и 1978 годах, они несут полную ответственность за углубившиеся разочарования и отчаяние многострадального французского пролетариата. Наконец, в 1981 году рабочие партии одержали победу на выборах, получив 55% голосов от общего числа участвовавших в голосовании. Это событие было встречено танцами и песнями на улицах. Миттеран начал с проведения обширной программы реформ, однако, в конечном итоге, не сумев порвать с капитализмом, его правительство отступило. Последовали жесткие антирабочие контрреформы, и «социализм» во Франции был в очередной раз дискредитирован. Дошло даже до того, что Миттеран ввел в свой кабинет пользовавшихся дурной славой со времен майских событий бывшего префекта полиции Гримо и генерального директора «Рено» Пьера Дрейфуса!

Новые «майские дни 1968-го» в любой момент могут вырваться из глубин французского общества. Во время экономического спада 1973-го года поводом к началу знаменитого рабочего выступления послужило намерение владельцев часового завода «Лип» в Безансоне закрыть предприятие. Рабочие заняли предприятие и продолжили работу. Рабочие всей Франции хотели, чтобы власти отступили и чтобы завод не был закрыт. Летом, когда во Франции наступил период коллективных отпусков, спецподразделения полиции были посланы на захват предприятия. Весть об этом прозвучала как тревожный набат. Рабочие повсюду были разбужены, забыв об отдыхе. Все основные отряды рабочего класса, участвовавшие во всеобщей забастовке 1968 г., пришли в движение и в том же порядке. Акции протеста прошли даже в летних лагерях отдыха,

Борьба продолжается. Париж, 1972 год.

рабочие организовали марши к загородным виллам министров, чтобы предупредить их, что вся Франция может остановиться.

В 1986 году учащиеся школ, колледжей и университетов Франции вышли на улицы, чтобы выразить протест против решения правительства урезать расходы на образование. На этот раз хватило одной лишь угрозы профсоюзов начать всеобщую забастовку, чтобы заставить отступить недавно избранное правое правительство Ширака. Один из лидеров профсоюзов в личном разговоре с Шираком недвусмысленно напомнил ему о 1968-м. Похожие события происходили в Испании в 1986 — начале 1987 годов; они еще раз показали, каких результатов может добиться молодежь, сплотившаяся вокруг разработанной совместно с марксистами программы требований, в деле вовлечения старших поколений рабочих в активную борьбу на их стороне. История обеих стран уже доказывала и еще неоднократно докажет, как непреодолимо стремление европейских рабочих победить и стать хозяевами своей судьбы.

На сегодняшний день рабочий класс Франции является еще более весомой силой, чем в 1968-м. Все больше недовольства вызывают условия жизни. Процесс деиндустриализации обуславливает катастрофический рост безработицы и создает социальную пустыню во многих районах Франции. По сравнению с 1968 годом количество «лишних» людей увеличилось в пять раз. В особенно критическом положении находятся рабочие-иммигранты и выпускники школ. Накоплено еще больше воспламеняемого материала — недовольства и гнева народных масс; рабочие и молодежь получили полезные уроки из недавнего опыта борьбы как в промышленности, так и на политической сцене. Почти любая искра может вызвать новый взрыв.

Движения, похожие на май 68-го, несомненно, еще будут иметь место, но уже с более значительными результатами. В этом убеждает современная обстановка в мире. Сейчас, когда мировая экономика все больше погружается в кризис, трудно найти страну, которую не сотрясали бы сильнеешие противоречия и взрывоопасные ситуации. Британия, вовсе не являющаяся исключением, вполне может в близком будущем стать местом следующего социального взрыва. Новый «1968 год», где бы он ни случился, неизбежно приведет к серьезнейшим международным последствиям. Он распространится словно пожар в прерии.

Прежде всего французские события показали, что новые поколения принимают эстафету борьбы с энтузиазмом и энергией. Рабочий класс Франции, в первую очередь молодежь, богат прекрасными революционными традициями, и еще не раз вступит в решительную борьбу за преобразование общества. Рабочим предстоит серьезная работа по совершенствованию своих организаций: необходимо, чтобы они стали мощным оружием в их борьбе. Материалом для создания истинно революционной массовой партии послужат старые организации рабочих — коммунистическая и социалистическая партии (последняя сейчас пользуется широкой поддержкой избирателей). Без массовой партии с марксистским руководством и социалистической программой французская революция будет бурной и затянutoй.

В 1968 году во Франции начался период, похожий на период взлетов и падений испанской революции в 1931–1937 годах, отличающийся, однако, большей длительностью. «У революции очень долгое дыхание», — говорил немецкий социалист Франц Меринг. Лучший способ для рабочих и молодежи подготовиться к будущим битвам — это извлечь все возможные уроки из истории предыдущих сражений. В жаркой атмосфере массовой революцион-

ной борьбы силы марксизма могут расти очень быстро. Вооруженные верной программой, они смогут уверенно двинуться вперед. Быть свидетелем и активным участником следующего «68-го года» станет величайшей привилегией.

Французская революция провела свою генеральную репетицию. «Будто ветер ревет у ушей», — так передала свое ощущение немецкая марксистка Роза Люксембург, описывая русскую революцию. Она писала: «Мы живем в такое время, когда все, что ни случается, стоит внимания». И эти слова столь же справедливы по отношению к последним годам XX века, как и к его началу.

Франция увидит настоящее историческое потрясение, которое не только преобразит французское общество, завершив революцию, начатую в мае 1968 года. Но оно осуществит чаяния французских рабочих, которые оставались несбыточными на протяжении двух столетий. Оно откроет в мировой истории новую главу, которая могла бы вести непосредственно к победе гармоничного социалистического общества во всем мире.

Когда «старый крот» французской революции покажется снова, и победа будет обеспечена, осуществляться слова Маркса из его работы *«Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта»*: «Европа вскочит со своего места и восторженно воскликнет: «Ты хорошо роешь, старый крот!»

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКТ — Всеобщая конфедерация труда (под влиянием Французской компартии)

ИКП — Интернационалистская коммунистическая партия

ОАС — «Секретная Вооруженная Организация» (тайная террористическая организация, созданная военными — противниками деколонизации Алжира)

ОРТФ — Организация французского радио и телевидения (государственная телерадиокомпания)

ОСП — Объединенная социалистическая партия

РКМ — Революционная коммунистическая молодежь (молодежная организация ИКП)

СНЕСюп — Профсоюз преподавателей высшей школы

СФИО — «Французская секция рабочего Интернационала» (официальное название старейшей и самой крупной социалистической партии во Франции)

ФДКТ — Французская демократическая конфедерация труда

ФКП — Французская коммунистическая партия

ЦРС — «Роты республиканской безопасности» (штурмовая полиция)

ОТ АВТОРА

Много воды протекло под парижскими мостами с тех пор, как барочники Сены прекратили работу, чтобы участвовать в событиях мая-июня 1968 года. Сегодняшний молодой читатель из России тогда еще не родился, а воспоминания старшего поколения о мятежных студенческих волнениях померкли, стерты годами и современными заботами.

Спустя четверть века, мир выглядит по-другому. Капитализм, как система, выстоял. И в связи с распадом «социалистического лагеря», на первый взгляд, будто бы расширил свои территории и упрочил влияние, но на самом деле сегодня находится в состоянии затяжного спада.

От классовых противоречий, о которых пророчески писал Карл Маркс, капитализм не способен избавиться и в современных условиях. Отсюда и кровавые войны и межнациональные конфликты. Борьба за влияние на мировом рынке сбыта приближает развитые капиталистические страны к торговой войне. Он не способен освободить мир от неравенства, нищеты, голода и экологических катастроф. Это доказывает, что капитализм не является вечным, а с обострением этих противоречий он может рухнуть как картонный домик. Об этом свидетельствуют события 68-го года во Франции.

Сконцентрированное недовольство масс — это мина замедленного действия. По всей Европе оно уже выразилось забастовками и манифестациями, прошедшими 2 апреля этого года; подъёмом борьбы пролетариата Южной Африки, вспыхнувшем после убийства Криса Хани — секретаря компартии, лидера чернокожего движения за демократические права; растерянностью, захватившей мощный рабочий класс бывшего СССР.

Новый 68-ой год может разразиться в любой момент в целом ряде стран, среди которых не последнее место занимают и сама Франция, и Россия.

Бонапартистские заявления Ельцина перед референдумом «Или я — или хаос», «Или я — или коммунисты», были те же, что и у президента Франции во время предвыборной кампании в июле 1968 года. Для русского читателя должно быть небезынтересно, что несмотря на победу де Голля на этих выборах, одержанную из-за страха избирателей и отсутствия альтернативы, он сошел с исторической сцены уже в 1969 году после позорного поражения

на им же предложенном референдуме по вопросу доверия его политике.

Позиции сегодняшнего президента Франции Франсуа Миттерана слабее, чем у де Голля до 1968 года, и слабее, чем его собственные в 1981. В то время социалистическая партия получила совместно с коммунистической 55 процентов голосов — рекордную цифру на всеобщих выборах, и Миттеран был избран народом президентом. Сейчас, после сокрушительного поражения в марте, когда из 252 парламентских мест остались лишь 54, его партия стоит перед угрозой вымирания.

Одним из главных козырей при устранении правительства социалистов, было громадное повышение уровня безработицы, которое достигло 3 млн. человек плюс 2 млн. частично занятых. Только в прошлом году 1992 было аннулировано 600000 рабочих мест. Не вырывая из рук крупных капиталистов узды правления, социалисты продолжали осуществлять их требования: жесткие кредиты, неограниченность прибылей, приватизацию, сокращение расходов на социальные нужды, и выполняли требования конкурентов Франции, с которыми они связаны европейскими финансовыми соглашениями.

Миттеран, будучи участником событий 68-го года, предупреждал еще до второго тура нынешних выборов, что в случае победы сил реакции, «политика будет опять вынесена на улицы».

Маловероятно, что коалиция правых партий, возглавляемая голлистской партией, сможет удовлетворить нужды населения. Она пришла к власти только вследствие сильного желания перемен и избавления от потерявших доверие народа так называемых «социалистов». Огромное большинство в парламенте у правящей партии (484 из 577 мест) не гарантирует стабильности.

Гнев молодежи, особенно среди самой угнетенной — иммигрантской, достиг высшей точки кипения. Несколько тысяч молодых жителей Парижа вышли на улицы после трех случаев убийства чернокожих подростков в полицейских участках. У этого слоя населения нет никакой уверенности в том, что с приходом нового правительства их условия жизни улучшатся. Более того, их беспокойство оправдалось, после назначения на пост министра внутренних дел ненавистного Паскуа — того самого, который в 1986 году во время пребывания на этом же посту в правительстве Ширака, бросил полицию для разгона мирной демонстрации молодежи.

Новый премьер-министр Балладюр, уже провозгласил жесткую финансовую политику, которая в первую очередь отрицательно

скажется на социальном уровне жизни среднего француза. В противоположность ситуации 1968 года у правительства нет возможности пойти на уступки требованиям студентов, фермеров, рыбаков, почт-альонов, которые в последние недели до переизбрания правительства демонстрировали свою неудовлетворенность в типично французской манере.

Работники почтамта забастовали. Рыбаки били парижских полисменов свежей рыбой по головам и сожгли рыбную биржу. Фермеры перегородили дороги тракторами и высыпали горы картофеля на улицы. Подобные бурные сцены можно ожидать и от других слоев населения.

Рабочий класс и молодежь, несмотря на низкий уровень участия в рабочих организациях (только 10% состоит в профсоюзах), скорее всего будут выражать свою волю посредством забастовок и демонстраций. Улучшение жизненного уровня возможно достигнуть только через боевые, и даже революционные действия. Сегодня же капитализм способен на уступки только через новый виток инфляции.

Французская модель государства, которая подразумевает сильную президентскую власть и слабый парламент, утратила свою сущность после де Голля. Неспособность капитализма выйти из кризиса как экономического, так и социального, без больших жертв со стороны работающего населения подтолкнет к возмущениям в обществе и столкновениям между классами. Реставрация капитализма не способна предложить ничего нового большинству населения бывшего Советского Союза, уже четвертый год страдающего от последствий беспрецедентного экономического спада и гиперинфляции.

Подавляющее большинство российских парламентариев не являются социалистами. Они выступают против предлагаемой Ельциным и его командой шоковой терапии, которая включает в себя широкую приватизацию, жесткую финансовую политику, отмену субсидий, закрытие предприятий, массовую безработицу. Но это делают отнюдь не из дружеских чувств к народу. Они также за реформу, за переход к рынку, но под контролем сегодняшнего директорского корпуса и бывшей партноменклатуры.

Все те, кто входят сегодня в верхушку общества и борются за власть, боятся спровоцировать волну движения снизу, которая могла бы их смыть. Единственное, что придает им силы, это отсутствие очевидной альтернативы, которую с энтузиазмом могли бы поддерживать молодежь и рабочие. В России больше чем во Франции, дискредитированы идеи социализма. Ни одна из борющихся

политических группировок, за исключением некоторых незначительных, не ратует за восстановление государственной собственности и плана.

Марксисты России твердо убеждены, что сейчас это реально только через борьбу за реабилитацию социалистических идей при деятельном участии рабочих в управлении предприятиями и обществом. Это единственный выход из тех проблем, которые поставит перед трудящимися России капитализм, но только путем возникновения общественного движения, того же размаха, как в мае-июне 1968 года во Франции. Но такое движение должно вооружиться программой партии рабочих по захвату власти, которая была бы способна убедить его участников в том, что «штурм неба» может принести желанные результаты.

Рабочая партия, чье руководство впитало в себя традиции французской и русской революций — острая необходимость для Франции, России и других стран. Такое руководство должно обладать способностью правильно оценивать направление и темпы развития, недостатки и преимущества классового врага. Ему необходимо сочетать бескомпромиссную борьбу рабочих за экономические улучшения с политической борьбой за демократические права, против диктатуры и капитализма. Только таким образом можно создать общество, способное служить большинству.

Борьба за рабочую демократию неотделима от борьбы за социализм в международном масштабе. Я от души приветствую публикацию этой небольшой книги на русском языке и надеюсь, что в определенной степени она поможет в понимании исторических процессов и, самое важное, даст возможность на анализе французских событий сделать практические выводы.

Клэр Дойл

2 Мая 1993 г.

Оглавление

НАЗРЕВАЮЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	6
СТУДЕНТЫ ВЫХОДЯТ НА УЛИЦЫ.	12
БУМ БОЛЬШОЙ ЦЕНОЙ	18
ТУЧИ СОБИРАЮТСЯ	28
ГРОМ ГРЯНУЛ	36
ВЛАСТЬ НА КАЧАЮЩИХСЯ ВЕСАХ	44
ЧЕТЫРЕ УСЛОВИЯ ПОБЕДЫ РЕВОЛЮЦИИ	58
ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ	72
УРОКИ МАЯ 1968 ГОДА	85
Список сокращений	99
От автора	100

**«Рабочая демократия» совместно
с «Милитант» принимали участие в выпус-
ке книги Л. Д. Троцкого «Преданная
революция» и опубликовали приложение к
ней — «Преданная революция» сегодня».
Желающие приобрести комплект могут
обратиться:**

197022 Санкт-Петербург а/я 105

телефон: (812) 524-18-40.

125167 Москва а/я 37

телефон: (095) 253-07-38.

**Книги высылаются наложенным платежом.
Цена комплекта договорная.**

FRANCE 1968

МЕСЯЦ

РЕВОЛЮЦИИ

Четверть века назад во Франции полицией были жестоко подавлены студенческие манифестации. Это послужило началом ряда событий, которые вылились в самую большую всеобщую забастовку в истории. Были заняты университеты, школы, заводы и учреждения. Повсюду развевались красные знамена и звучал Интернационал гимн международной солидарности.

Полиция и армия были заражены настроениями неповиновения десяти миллионов восставших. Трудящиеся других стран с волнением наблюдали за тем, как разворачиваются события. «Всесильное» правительство де Голля было парализовано. Сам народ начал строить планы будущего общества...

Автор предлагаемой книги, Клэр Дойл, член редакции английской газеты «Милитант», посетила Францию в 1968 году. Клэр Дойл работала во многих странах мира, освещая происходящие там события на страницах газеты. Она неоднократно посещала и нашу страну, чтобы глубже ознакомиться с нашей бурной и нестабильной жизнью.